

А. В. Малинов

**К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН:
ОЧЕРК ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ
И ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ
(к 175-летию со дня рождения)**

Бестужевы два брата. Профессор – порченный наукой. Был добрый. Теперь профессор, писатель славянофил, и – воспоминание о человеке.

Из дневника Л.Н. Толстого (21 июня 1881 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Помимо крупных деятелей русской науки есть мыслители, так сказать, «второй величины», скромные труженики, без которых, однако, не возможно представить развитие научной и философской мысли. Их часто именуют эпигонами, но без их постоянных усилий не сложилась бы научная традиция. К числу таких ученых принадлежал Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897), вошедший в историю русской науки не только и не столько своими трудами по русской истории, сколько преподавательской и организаторской деятельностью в Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе и, особенно, на Высших женских курсах, заслуженно получивших наименование «бестужевских». Была еще одна сторона исследовательской деятельности Бестужева-Рюмина практически не привлекавшая внимание историков русской мысли – философия и методология истории¹.

¹ Р. А. Киреева, автор последней по времени монографии о Бестужеве-Рюмине, вышедшей в 1990 г., сосредоточивая свое внимание на историографических работах ученого, специально выделяет и почти не исследованное теоретико-методологическое направление его исследований. «Бестужеву-Рюмину, – пишет она, – не удалось завершить «Русскую историю». Но и сделанное им значительно. Собрал и прокомментировал огромный источниковедческо-

Внешняя сторона жизни Бестужева-Рюмина не богата яркими событиями, хотя и показательна в качестве судьбы потомка старинной, но не богатой дворянской семьи. Бестужев-Рюмин родился 27 мая 1829 г. в имении своего отца в с. Кудряшки Горбатовского уезда Нижегородской губернии и был назван в честь великого князя Константина Павловича, у которого одно время служил его родитель. По окончании гимназии в 1847 г. он поступил в Московский университет с намерением заниматься историей, но в скором времени перешел на юридический факультет, устранный, по его собственному признанию, обширным преподаванием грамматики и привлеченный преподавательской манерой П. Г. Редкина. Там он слушал лекции К. Д. Кавелина, Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявца, С. М. Соловьева. Это и предопределило его последующие научные занятия. Закончив Московский университет кандидатом юридического факультета, Бестужев-Рюмин, потерявший к тому времени отца и оказавшийся в серьезном материальном затруднении, был вынужден заняться журналистикой и в 1859 г. по приглашению А. А. Краевского переехал в Петербург, где стал постоянным сотрудником и членом редакции «Отечественных записок». На журналистском поприще он выступил как автор многочисленных рецензий, а также статей критического и исторического характера.

Журналистская школа, а с возрастом и телесные недуги предопределили преобладание в наследии Бестужева-Рюмина «малых» жанров: рецензий, историографических очерков и портретов, позднее – некрологов. Из крупных произведений историка можно назвать его диссертацию «О составе русских летописей до конца XV в.», защита которой состоялась 16 мая 1868 г. в Санкт-Петербургском университете. На основе отзыва декана историко-филологического факультета И. И. Срезневского Бестужеву-Рюмину была присвоена докторская степень, минувшая степень магистра. В 1872 г. вышел первый, а в 1885 г. второй том его «Русской истории», написанной на основе курса лекций, читавшегося в Санкт-Петербургском университете, где с 1865 по 1882 г. он занимал кафедру русской истории, приглашенный на нее по протекции того же И.И. Срезневского.

Еще в 1864 г. Бестужев-Рюмин бы приглашен преподавать русскую историю великому князю Александру Александровичу, будущему императору Александру III. И затем в течении восемнадцати лет преподавал русскую историю другим членам императорской фамилии.

После защиты диссертации академическая карьера Бестужева-Рюмина развивалась вполне благополучно. 31 мая 1868 г. он был утвержден в звании экстраординарного, а 11 апреля 1869 г. – ординарного профессора. С 1867 по 1877 г.

историографический материал, так сказать, фундамент исторической науки, он многим подействовал и тому, что вскоре стало называться методологией истории. Эту сторону научной деятельности Бестужева-Рюмина ценили его ученики, но на это не обращалось внимания в последующей литературе» (*Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М., 1990. С. 122.). Рассматривая бестужевскую концепцию русской истории, Р.А. Киреева отмечала: “Значительно интереснее теоретико-методологические размышления Бестужева-Рюмина об исторической науке, о задачах историка и о других вопросах, тем более что в последние десятилетия данная сторона его научного наследия почти совсем не рассматривалась”. (Там же. С. 108.)

Бестужев-Рюмин читал лекции в Императорском историко-филологическом институте, а с 1877 г. на женских курсах. Министр Д.А. Толстой, руководствуясь решением правительства 1876 г. об открытии в университетских городах женских курсов, предложил в Санкт-Петербурге две кандидатуры: А. М. Бутлерова и Бестужева-Рюмина. После отказа А. М. Бутлерова, Бестужев-Рюмин приступил к организации Высших женских курсов в Санкт-Петербурге, за которыми вскоре закрепилось название «бестужевских». Организацией курсов и преподаванием на них историк занимался безвозмездно, а во время первого набора был вынужден проводить собеседование со слушательницами у себя на дому в кабинете, так как еще не было найдено отдельного помещения для курсов. По мнению С. Ф. Платонова, «Практическая деятельность К. Н-ча в Славянском благотворительном обществе и на курсах остановила его ученые работы»¹, а также окончательно подорвала его и без того слабое здоровье². Осенью 1882 г. он был вынужден оставить преподавание и на два года уехал за границу для поправления здоровья. Однако заметного улучшения не наступило и в конце 1884 г. он окончательно покинул университет. В 1885 г. историк вновь ездил в Италию на лечение. После возвращения в его деятельности, по слову С. Ф. Платонова, наступило «затишье». Какое-то время (1885–1887) он редактировал «Известия славянского благотворительного общества». 3 марта 1890 г. Академия наук избрала Бестужева-Рюмина своим действительным членом и это несколько оживило его деятельность, но не надолго: в ноябре того же года произошло кровоизлияние в мозг. Русское археологическое общество 15 декабря 1890 г. избрало Бестужева-Рюмина своим почетным членом. Скончался Константин Николаевич Бестужев-Рюмин 2 января 1897 г. от болезни легких, которая обострилась с весны 1896 г. По воспоминанию академика Л. Н. Майкова, «он учился бесперывно и еще за два дня до кончины два слышным голосом жаловался мне, что мало читает»³. Похоронен Бестужев-Рюмин на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

ГЛАВА I

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННОКИ БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

В историческую науку Бестужев-Рюмин первоначально пришел как любитель. Хотя в его увлечении русской историей можно было бы усмотреть и генеалогическую предрасположенность: словарь действительных членов Академии наук указывает на его родство со знаменитым историографом XVIII в. кн. М. М. Щербатовым⁴. В опубликованных академиком Л. Н. Майковым воспоминаниях Бестужева-Рюмина он следующим образом разъяснял свои родственные

¹ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883 – 1912). СПб., 1912. С. 176.

² «Можно думать, – писал тот же С.Ф. Платонов, – что руководство курсами и доканало некрепкое здоровье Бестужева» (Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Книга вторая. С. 123.).

³ Майков Л.Н. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина // Журнал министерства народного просвещения. 1897. Ч. СССХ. Февраль. С. 159.

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. III. Ч. 1. А – Л. Пг., 1915.

связи: прапрадед историка, Дмитрий Андреевич Бестужев-Рюмин был женат на княгине Марии Семеновне Солнцево, сестра которой была женой Михаила Федоровича Щербатова – отца историографа М. М. Щербатова; ее племянница вышла замуж за Сухово-Кобылина – прадеда графини Е. В. Сальяс.

Задавшись целью популяризировать исторические знания, Бестужев-Рюмин помещал в «Отчестственных записках» подробные обзоры современной исторической литературы. Как отмечал в некрологе С. Ф. Платонов: «К. Н-ч уже окончательно усвоил себе роль ученого критика, имевшего целью «сближение науки с обществом»... он популяризировал идеи и знания, возбуждал в обществе интерес к истории, в которой видел лучшее средство достигнуть «народного самосознания»¹. В своих критических обзорах Бестужев-Рюмин старался с пониманием отнестись ко всем явлениям русской интеллектуальной жизни, пусть даже на современный взгляд и устаревшим. С традиционалистских позиций, признающих ценность и право на истину различных точек зрения, он выступил оппонентом радикальной критики 1850–1860-х гг. Эту увлеченность развитием русской науки и непосредственным переживанием и продумыванием всех ее наиболее существенных достижений Бестужев-Рюмин, судя по воспоминаниям П.Н. Милюкова, сохранил до конца своих дней². Рецензии укрепили его научную репутацию и создали ученые связи, что позволило со временем войти и в специализированную ученую среду. В 1865 г. в качестве исправляющего должность доцента Бестужев-Рюмин был приглашен в Санкт-Петербургский университет на кафедру русской истории, с 1862 г. остававшуюся свободной после ухода из университета Н.И. Костомарова.

Если исторические взгляды Бестужева-Рюмина сложились в пору обучения в Московском университете, то журналистская работа способствовала формированию более широкого, обобщающего подхода к историческим явлениям и в результате выработала у него вполне определенные философско-исторические представления. Такое движение из журналистики в философию было вовсе не случайно. После закрытия в 1850 г. кафедр философии в российских университетах и до того заметно уступавших философское лидерство кружкам и салонам, центр философских дискуссий переместился в журналы, что надолго определило публицистический характер русской философии. Конечно, философско-исторические воззрения Бестужева-Рюмина были связаны с его историографическими предпочтениями; да и говорить о полнокровной философии истории Бестужева-Рюмина не приходится. Более того, в историографии закрепилось мнение, что русский ученый был противником философского объяснения исторического процесса³, критическое, порой, отношение Бестужева-Рюмина к умозрительным построениям в истории, казалось бы, подтверждает эту точку зрения.

Однако многочисленные сочинения Бестужева-Рюмина показывают, что у него была собственная концепция русского исторического процесса не возможная без вполне определенных философско-исторических представлений. Интен-

¹ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. С. 171.

² Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 162.

³ См., напр., Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 121.

сивное изучение Бестужевым-Рюминым современной научной исторической литературы началось в период его журналистской деятельности и именно тогда в основных чертах сложились его общеисторические и теоретические взгляды. Историографический обзор Бестужева-Рюмина в «Московском обозрении», а также его статьи о славянофилах П.Н. Полевой сравнивал с лучшими эссе Т. Карлейля. В опубликованных в 1850-е – начале 1860-х гг. рецензиях Бестужев-Рюмин сформулировал основные положения своей будущей исследовательской программы, которую фактически осуществлял в течении последующих двадцати лет. Так, в разборе первых десяти томов «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, помещенном в «Отечественных записках» в 1860 г., он указывал на одну из задач, стоящих перед русской исторической наукой. Задача эта – выяснение состава русских летописей – была им реализована через восемь лет в диссертации. Вот как она виделась Бестужеву-Рюмину в 1860 г.: «Особенный характер наших летописей, которые все, более или менее представляют сходство между собою и в сущности суть ничто иное, как летописные сборники разных редакций, налагают на исследователей особенную обязанность, которой еще до сих пор никто не исполнил, хотя начало и положено Погодиным. Эта работа, скучная и кропотливая, состоит в определении состава летописей и их взаимного отношения». В русской историографии, замечает Бестужев-Рюмин, мы имеем либо очень узкие работы, либо сочинения, в которых выражены предельно широкие взгляды. Отсюда вытекает еще одна задача – критический анализ существующих источников и историографии. «При таком состоянии науки, – писал он в той же статье, – всего полезнее было бы критическое изложение русской истории, то есть оценка всех известий летописных, всех оставшихся памятников, и наконец проверка всех ходячих мнений. Труд тяжелый, невидный и на первый взгляд неблагодарный, может быть, даже превышающий силы одного человека, но труд положительно необходимый, без которого русская история создается на песке»¹. Труд, действительно, оказался неблагодарным: потомки стали упрекать Бестужева-Рюмина в отсутствии собственного взгляда, в неоригинальности и т. п. и мало оценили его исследовательскую позицию.

Другую потребность русской исторической науки Бестужев-Рюмин сформулировал в еще одном разборе сочинения С. М. Соловьева, относящемся к 1858 г. Здесь еще шла речь о предпочтительном внимании при составлении русской истории к культурным процессам. По словам критика, «мы убеждены, что теперь и вперед никто не будет признаваться историком, если он не основывает своих выводов на точном понимании смысла памятников, если он не обращает преимущественное внимание на внутреннее состояние того общества, посреди которого происходят известные явления и не в нем ищет объяснения этих явлений»². Попыткой воплотить этот замысел стала его «Русская история». В литературе неоднократно указывалось на историко-культурную направленность

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. Т. I–IX. Москва, 1851–1859. Т. X. СПб., 1860 // Отечественные записки. 1860. Т. CXXXII. С. 14, 15.

² *Б.-Р.* История. Русская историческая литература: История России с древнейших времен г. Соловьева. VIII-й том // Отечественные записки. 1858. Т. CXIX. С. 55.

этого незавершенного труда. «Этот многолетний труд К. Н., – отмечал А.Ф. Бычков, – является первою попыткою представить культурную историю России»¹. Не стесненный объемом академической записки, Е. Ф. Шмурло более подробно рассмотрел исследовательскую задачу, поставленную Бестужевым-Рюминым в «Русской истории». Он также отмечал, что эта книга – первая попытка «изобразить культурную историю России». Более того, в «Русской истории» сходятся основные исследовательские приоритеты Бестужева-Рюмина: критика источников, историографический обзор наличной литературы и попытка написать культурную историю России. «Не трудно видеть, – делился Е. Ф. Шмурло своими наблюдениями, – что через всю книгу проходят три основных элемента, определяющих физиономию всего произведения: строгая, объективная критика, как главное средство подойти ближе к истине; *историографическое* знакомство с своей дисциплиной, как твердая база для этой объективной критики; и, наконец, возможно более полное и всестороннее изучение жизни *общества*, как единственно достойная жизни цель историка, причем, в последнем случае, *личности* отводятся почетное место, однако не как сила, создающей общество, а как одному из наиболее ярких выражений этого общества». В то же время Е. Ф. Шмурло говорит о принудительности работы Бестужева-Рюмина над «Русской историей». Ученый был вынужден писать ее, что, возможно, объясняет как длительность самой работы, так и ее незавершенность. ««Историю» Бестужев писал не по призванию, а по долгу. Эта книга в сущности всегда тяготила его. Кропотливая экзегетика была ему не по душе; мысленно он рисовал совсем иные планы своих работ; но он был глубоко убежден, что в данное время, такая «История», как его, необходима, и этого для него было достаточно, чтобы приложить все усилия для ее осуществления. Это был его *долг профессора*, и он беспрекословно подчинился требованиям этого долга»².

Возможно, Бестужев-Рюмин, несмотря на самовнушаемое неприятие теоретических и предельно общих взглядов, тяготел к более пространному и обзорному построению русской истории. Требование доискиваться в фактах смысла – главное требование Бестужева-Рюмина ко всякому историку вообще. Написание компактного обзора основных событий русской истории, в котором бы фиксировались ее доминирующие смысловые узлы – задача, которую ученый полностью не сумел воплотить. Такая задача перекликается с требованием популяризации знаний. Одну из таких попыток Бестужев-Рюмин предпринял в статье «Чему учит русская история», опубликованной в 1877 г. в журнале «Древняя и новая Россия». Здесь ученый сосредоточился на выявлении основных этапов русской истории, которые репрезентируются яркими историческими событиями. Историческое событие в каком-то смысле согласовано с определенным этапом по логике «вызов – ответ». Так после похода русских на Царьград в 865 г., т. е. столкновения восточных славян с крупнейшим христианским государст-

¹ Записка ординарного академика А. Ф. Бычкова об ученых трудах члена-корреспондента Императорской Академии наук К.Н. Бестужева-Рюмина // Записки Императорской Академии наук. Т. 67. СПб., 1892. С. 54.

² Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829 – 1897. Юрьев, 1899. С. 152, 155, 149.

вом, мы видим начало формирования самой русской государственности. Татарское иго со временем приводит к тому, что московские князья становятся царями всея Руси. Попытка поляков навязать Унию вызывает соединение Украины с Россией. Современный ему этап русской истории Бестужев-Рюмин называет «славянским делом», смысл которого в освобождении южных славян и последующем славянском союзе. По крайней мере, проходящая на Балканах борьба – не случайное событие и активность России в решении восточного вопроса исторически оправдана, имеет исторический смысл. Более подробно исследователь останавливался в «Русской истории» на влиянии татарского наследия в русском государственном строе. Преемственные черты он видел в московской административной и финансовой системе, частично – в военной организации. Касался историк вопроса и о византийском наследстве в русской истории. Много внимания Бестужев-Рюмин уделял истории Литовского государства и Западной Руси, что до него было разработано недостаточно.

В этой же статье Бестужев-Рюмин делает любопытное наблюдение, которое сам он называет «историческим законом». Вот, как его формулирует сам историк: «Повинуясь великому историческому закону, объединение пошло от племени самого младшего и более смешанного: объединение Греции, хотя и неполное, совершила полуварварская, полугреческая Македония; объединение древней Италии шло из города, населенного выходцами всех италийских племен; новая Италия объединена не чисто итальянским Пьемонтом; Германия – немецкою украинюю в землях, некогда славянских. Объединительное движение, начавшееся в таких пунктах находит себе опору и в других областях, принимает к себе другие элементы и, видоизменяясь, становится общим делом. Так было и с суждальским движением: оно стало общерусским»¹.

Популяризация знаний, сопровождающая подобный смысловой очерк русской истории переплетается еще с одной задачей, стоящей перед русской историографией – задачей художественного изложения. Согласно Бестужеву-Рюмину, историография проявляет себя с двух сторон: как наука и как искусство. В себе ученый не ощущал достаточно сил и способностей для ее осуществления. Недостижимым идеалом для него в этом отношении оставался труд Н.М. Карамзина. Возможно отчасти, художественную сторону изложения Бестужев-Рюмин пытался реализовать в своих лекциях, отличавшихся живостью, изяществом, остроумием и глубиной. Но вот литературные способности ученого были недостаточны для того, чтобы в полной мере выразить эстетическую составляющую исторического труда. На этот счет сохранились любопытные замечания Е. Ф. Шмурло. «Литературный язык Бестужева, – писал он, – обыкновенно лишен той образности и яркости, каким, наоборот, обилвала его ученая беседа. Строгие рамки, в какие обыкновенно укладывал он свою мысль, ее философский, обобщительный характер подчас делал литературные работы Бестужева сухими, холодными»².

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1877. Т. I. С. 11.

² *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 167.

Особый вопрос составляет отношение Бестужева-Рюмина к историческим работам С. М. Соловьева, которое не было однозначным, менялось со временем; он регулярно рецензировал и пристрастно критиковал вышедшие тома соловьевской «Истории России с древнейших времен», но все же считал этот труд самым значительным достижением русской историографии как со строго научной, так и философской точек зрения. «Не забудьте, – писал он о С. М. Соловьеве в одном из писем 2 февраля 1883 г., – что этот человек первый понял Русскую историю в связи. Он умнее даже Карамзина, который был не философ, а художник и ученый. Соловьев первый внес взгляд философа в Русскую историю»¹. Неслучайно и направление в изучении русской истории, заданное С. М. Соловьевым или «школу Соловьева» он называет «школой философской необходимости», в другом варианте – «школой родового быта». Вскрывая генеалогию этой школы, Бестужев-Рюмин в одной из статей отмечал, что из нее выросла «школа народного прогресса»². Лекции С. М. Соловьева Бестужеву-Рюмину довелось слушать еще в пору обучения в Московском университете, но тогда они не произвели на него впечатления. «Русскую историю, – вспоминал он, – читал Соловьев. В наше время лекции его не были те блистательные очерки общего хода, которые слушали последующие поколения... После лекций Кавелина тогдашние лекции Соловьева производили мало действия, и уважая его знания, мы хотя и знакомы были с его диссертациями, мало ценили его талант»³. Возможно, отчасти и поэтому Бестужев-Рюмин в рецензии-обзоре, посвященной 10-летию начала выхода «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева признавался в нелюбви к московскому историку. «Еще не приступая к изложению нашего мнения, – писал он в начале статьи, – считаем необходимым сделать одну оговорку: мы не принадлежим к числу почитателей г. Соловьева... но охотно признаем все достоинства почтенного московского профессора: его обширную эрудицию, его знакомство с европейскою историческою наукою, его замечательный критический талант»⁴. Первый подробный разбор «Истории России с древнейших времен» Бестужев-Рюмин предпринял в 1858 г. в статье «Современное состояние русской истории как науки», опубликованной в «Московском обозрении». Большая часть критических работ Бестужева-Рюмина, посвященных С. М. Соловьеву, приходится на конец 1850-х – начало 1860-х гг. Много позже, имея ввиду свою статью в «Московском обозрении», историк признавался: «Вообще значение Соловьева я ясно понял позднее»⁵ и тут же добавлял, что их личные отношения улучшились лишь в последние годы жизни С. М. Соловьева.

¹ Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 175.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина // Отечественные записки. 1860. Т. СXXXIX. С. 75.

³ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года), с предисловием и примечаниями академика Л.Н. Майкова // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 67. СПб., 1901. С. 24.

⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 2.

⁵ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 57.

Однако С. М. Соловьев интересен не только своей оригинальной концепцией русской истории, но и как представитель и даже глава целой исторической школы. Школа, конечно, растворяет оригинальность концепции в многочисленных перетолкованиях ее основных положений. Идеи С.М. Соловьева в собственном переложении растиражировали К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин. Рецензируя в «Отечественных записках» четырехтомные «Сочинения» К.Д. Кавелина, Бестужев-Рюмин прослеживал и происхождение новой в ту пору еще школы. «Тем не менее, – подводил он итог современному состоянию русской историографии, – огромное количество накопившихся материалов, ближайшее знакомство с иностранною историческою литературою, толчок, данный русской мысли Белинским, Грановским и их фалангою, вызывали новое теоретическое движение в русской истории. Деятели откликнулись на этот призыв: с половины 40-х годов начали писать г. Соловьев и Кавелин»¹. В первой статье о славянофилах – противниках школы С.М. Соловьева – Бестужев-Рюмин называл подход московских историков еще и «отрицательным направлением», тем самым как бы проводя параллель между школой С.М. Соловьева и радикальной публицистикой 1860-х гг. «Теоретическая история, – характеризовал он своих оппонентов, – начавшаяся под знаменем родового быта, перерождалась мало-по-малу в так называемое отрицательное направление, главными представителями которого стали гг. Соловьев и Чичерин. Отличительная сторона этого направления – приписывание всего правительственной инициативе, восхваление начала централизации и реформы Петра»². К С.М. Соловьеву Бестужев-Рюмин подходил более строго и требовательно, поскольку видел в нем и большую научную силу. Бестужев-Рюмин неоднократно предпринимал попытку исчислить как достоинства, так и недостатки соловьевского подхода. В рецензии на VIII том «Истории России с древнейших времен» он писал: «г. Соловьев первый приложил приемы и требования европейской науки не к одному какому-нибудь отдельному вопросу, а к целому ходу истории. Немудрено, что многое осталось недосказанным, неопределенным... он осветил, осмыслил общий ход русской истории, он поставил ясно и просто главные вопросы, указал единственно приложимый к историческим исследованиям метод, ввел в область русской истории явления, которые прежде в нее не входили и тем бросил неожиданный свет на то, что все знали»³.

Школа С.М. Соловьева внесла философский или теоретический взгляд на русский исторический процесс. Бестужев-Рюмин говорит о фатализме новой школы. Согласно критике, «основное убеждение» «школы в философско-необходимой последовательности явлений»⁴. Бестужев-Рюмин отмечает еще ряд базовых положений новой школы: подход к историческим явлениям с органической точки зрения; понимание истории как науки самопознания; родовая

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина. С. 82.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая // Отечественные записки. 1862. № 2. Т. CXL. С. 682.

³ *Б.-Р.* История. Русская историческая литература: История России с древнейших времен г. Соловьева. VIII-й том. С. 54.

⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 10.

концепция. «Органический взгляд на историческое развитие, провозглашение истории «народным самопознанием» – вот знамя новой школы», – писал он в 1860 г.¹ Именно С.М. Соловьев, настаивал критик, начал рассматривать русскую историю как непрерывное развитие. В итоговой, хотя и не в пример краткой, статье, посвященной 25-летию главного исторического труда С.М. Соловьева, Бестужев-Рюмин вновь перечислял основоположения исследовательского подхода С.М. Соловьева. «Точку опоры умственное развитие находит в теориях. Теорию принесла школа, одним из главных представителей которой был С.М. Соловьев. Школа эта внесла с собой понятие о развитии, о постепенной смене умственных и нравственных понятий, о постепенном росте народном. Народы – по учению школы – постепенно переходят от рода к государству. Этою теориею дана была точка опоры сознанию; стало ясным, что переменяются не только костюмы и обычаи, но изменяются воззрения, основа всякого общественного состояния»². Однако Бестужева-Рюмина не удовлетворяла утвердившееся в «школе философской необходимости» точка зрения на русскую историю. «Он понял, – писал критик о С.М. Соловьеве, – движение русской жизни – и успокоился в своем понимании, как факир в созерцании Браммы... для нас результаты «новой исторической школы» далеко неудовлетворительны... за школою философскою мы не признаем другого значения, кроме исторического». Сравнение С.М. Соловьева в приведенной цитате с факиром, созерцающим Брамму, не случайно. Бестужев-Рюмин не ради яркого образа или красивого выражения обратился к аналогии с индийским мирозерцанием. Сравнение здесь – ответ-рикошет на знаменитое обвинение С.М. Соловьевым славянофилов в «историческом буддизме».

Однако больше всего возражений Бестужева-Рюмина вызывает государственная точка зрения новой школы. Он выступает против представления о благотельном влиянии на русскую жизнь московской централизации. Даже если в истории действует строгая логическая необходимость, то она редко бывает справедливой. На самом деле, настаивает Бестужев-Рюмин, «нередко торжествует в мире грубая сила, что историческая Немезида является иногда слишком поздно»³. Слепая необходимость, действующая в истории, способна обесмыслить саму историю. Выдвинутому историками-философами представлению Бестужев-Рюмин готов противопоставить позицию Ф. Булаева и Н. Костомарова. Критикуемый тезис государственной школы историк формулирует, попутно обозначая свои возражения, следующим образом: «...оно оценивает все явления русской жизни по тому отношению, в которое каждое из них становится к Московскому Государству. Такое понятие прямо вытекает из взгляда на историю, как на логическое развитие, при котором каждый последующий шаг есть не-пременное движение вперед. Наше понятие о Московском Государстве совершенно иное: прежде всего, мы убеждены в том, что Московия никогда не разви-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина. С. 82.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. 1851 – 1876 // Русская старина. 1876. Т. XV. Январь, февраль, март, апрель. С. 682.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 6, 10.

лась в собственном смысле того понятия, которое, строго говоря, называется государством: государство в европейском смысле слова, предполагает строгий порядок, замирение между сословиями и общественными элементами; предполагает известные уступки с той стороны и с другой, известное искусственное, если можно так выразиться, научное построение. Ничего подобного не видим в Московском Государстве: насилие, произвол и случайность связывают между собою его части. Главный интерес, преобладающий в нем, казенный, фискальный; все остальное поставлено в служебные отношения к этому интересу»¹. Причина успеха объединительных усилий Москвы в преобладании того слоя, который стремится к материальному благополучию. Свое заключение Бестужев-Рюмин строит на не менее теоретических, в данном случае социологических и психологических, предпосылках. «Страх революции, – обобщает он, – вот единственное политическое чувство этой массы. Заключать от того, что делала эта масса в минуту страха к тому, будто «матушка Москва-белокаменная» действительная политическая Мекка русского народа – было бы делом неумным. «Москва на крови сторена» говорит пословица; с понятием о Москве слылось в народном предании представление о грозном царе, близь которого – близь смерти. Это ли доказательства особенной нежности к Москве в русском народе». «Полагаем только, – продолжал Бестужев-Рюмин, – что видеть в централизации московских собирателей русской земли творческую силу народа несколько преждевременно»².

Бестужев-Рюмин, конечно, не собирался рассматривать русскую историографию в черно-белом цвете. И в «школе Соловьева» есть свои сильные и слабые стороны. К сильным сторонам можно отнести взгляд на историю как народное самосознание или органическую точку зрения не русский исторический процесс. «...она, – писал о рассматриваемой школе Бестужев-Рюмин, – принесла пользу положительную тем, что до очевидности доказала органический рост русского народа, поставила явления русской истории в надлежащую перспективу, наконец указала на широкое развитие вотчинного начала в древней Руси; отрицательная же польза для будущих исследований, а с тем вместе вред для большинства настоящего, она принесла своим слишком преувеличенным представлением о родовом быте в начале, а государстве – в конце русской истории»³.

Другой недостаток соловьевской доктрины – игнорирование культурной стороны исторического процесса или, по крайней мере, неудовлетворительное его изложение. Постепенно упреки Бестужева-Рюмина перерастают в формулирование собственной концепции. «Это книга умная, – начинал он свой приговор «Истории России с древнейших времен», – добросовестная, свидетельствующая о трудолюбии, знании и серьезной подготовке своего автора; но это не история.

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство (по поводу статьи г. Дмитриева «Ответ г. Бестужеву-Рюмину» (Московские ведомости. № 209)) // Отечественные записки. 1860. Ч. СXXXIII. № 11. С. 12.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 7, 8.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Сочинения К. Кавелина. С. 83.

Автор, со своей стороны, сделал все, чтобы придать ей этот характер: он построил ее на одной мысли, свел в одно целое все стороны жизни; передал все, что нашел в источниках о древней Руси. Казалось бы чего более? но на деле вышло, что недостает самого существенного: не видать жизни и духа народного. Этот недостаток не изглаживается никакою ученостью, никакими стремлениями. Отвлеченное представление борьбы разных начал не заменит изображение живых элементов, взаимодействие которых образует народную жизнь». Государство – важная, но не единственная составляющая народной жизни, равно как и не единственный фактор исторического существования. Жизнь сложнее и многообразнее любой теории, в том числе и государственной. Задача же историка состоит в том, чтобы не ограничивать перспективы исторического изучения, а вскрывать полноту исторической жизни. «В этой-то абстрактной схеме, – продолжал Бестужев-Рюмин свою критику, – в прославлении государственного начала, как оно является в «московских единодержавцах», а не в преобладании политического элемента мы упрекаем их. Кто не знает, что политические формы тесно связаны с бытом и невозможно понять общество, не объяснив себе его отношения к политическим формам? Дело в том только, что предшествующие историки видят в этих формах результат необходимых условий, единственный выход для русского общества, а мы – одно из явлений общественной физиологии. Их цель – логически оправдать, а наша – практически понять»¹.

Другие недостатки, подмеченные Бестужевым-Рюминым, сводятся к мелочности изложения С.М. Соловьева в ущерб художественности; догматичности²; произвольной группировке фактов; излишней систематичности в построении глав.

По ходу критики государственной школы Бестужев-Рюмин формулирует основные положения историзма. Отказ от предвзятого теоретизирования в истории, от переноса заранее подготовленных философских схем на прошлое предполагает уважительное отношение к минувшим событиям, попытку понять их из них самих, из заключенного в них смысла. Прошлое, безусловно, связано с современностью. Более того, мы способны понимать прошлое, только исходя из настоящего. Но смысловая модернизация не должна идти в ущерб истории. Следует доискиваться аутентичных смыслов самого прошлого в самом прошлом, а не превращать историю в смысловую проекцию современности. Развивая свою мысль, Бестужев-Рюмин писал, что «смотря на причины с точки зрения результата, мы невольно, бессознательно переносим на эти причины несвойственный им характер: мы смотрим на них как на средство и не понимаем того, что предки наши жили для себя, а не для нас, и что преднамеренного плана никто не задает истории. Все, что мы говорим теперь, давно уже отзывается общим местом, и в теории никто не наносил этому учению таких ударов, как та

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 16, 22.

² «Слишком догматическое изложение вопросов, в высшей степени трудных и спорных – вот один из главных недостатков книги г. Соловьева» (*Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки // Московское обозрение. 1859. Кн. 1. С. 77.).

школа, о которой мы говорим, а на деле сама послужила тому же... Пора нам, наконец, понять, что не за что ни ссориться, ни дружиться с отдаленною стариною; а что надо понять ее и что такое полное понимание полезно и для настоящего. Нам не за чем более вырабатывать общие нравственные понятия, не за чем биться из-за того, что добро и что зло, особенно в ущерб истории»¹.

С годами Бестужев-Рюмин стал более терпимо относиться к достижениям государственной школы, ценить колоссальный труд С.М. Соловьева. Возможно, на этом сказались не только наладившиеся личные отношения и поубавившийся с возрастом критический азарт, но и опыт собственной преподавательской и исследовательской работы. Если, как признавался Бестужев-Рюмин, критик-журналист не обязан в замен отвергаемой теории предлагать равноценную концепцию, то университетское положение обязывало переводить критику в аргументы и более определенно противопоставлять собственную точку зрения. В одной из поздних статей, написанных уже после смерти С.М. Соловьева, Бестужев-Рюмин вновь вернулся к оценке его главного исторического труда. «Воззрения С.М. Соловьева, – писал он, – принадлежат к числу самых целостных воззрений и имеют все достоинства и недостатки таковых. Достоинства состоят в его последовательности и вытекающей отсюда вере самого автора в его непоколебимость, а следовательно, и того воодушевления, с которым оно передается и в силу которого оно и воспринимается. Недостатки легко объясняются тем, что если и вообще недоступно человеку вполне обнять предмет, то даже и приближение к такой полноте становится трудным при отсутствии частной обработки»².

Схожую критическую позицию Бестужев-Рюмин занимал и по отношению к Б.Н. Чичерину – другому представителю государственной школы в русской историографии. Правда, работы Б.Н. Чичерина не удостоились со стороны Бестужева-Рюмина столь подробного и дотошного разбора, как «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Основные претензии, предъявляемые Б.Н. Чичерину таковы же, что и к «философской школе» в целом: засилье теории в ущерб реальной исторической жизни. Рецензируя вступительную лекцию Б.Н. Чичерина в курс государственного права в Московском университете, Бестужев-Рюмин вновь указывал на родовой порок государственной школы: основу подхода Б.Н. Чичерина составляет теория государственной централизации. «Построить из истории подмостки для свое теории – дело очень легкое и, вместе с тем, ненадежное: под видимым беспристрастием здесь скрывается обыкновенно величайшая гордость исключительной теории», – возмущался Бестужев-Рюмин схематизмом Б.Н. Чичерина. «Словом, – подытоживал он свой анализ, – под оболочкою историко-практического понимания скрывается механический взгляд, осмысленный немецкою философиею»³. Недовольство гегельян-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 21.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 129–130.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. (По поводу вступительной лекции, читанной г. Чичериным в Московском университете) // Отечественные записки. 1861. ноябрь. С. 3, 8.

ством Б.Н. Чичерина осталось даже когда почти четверть века спустя Бестужев-Рюмин более благосклонно отзывался о трудах историка и политического мыслителя. Подход Б.Н. Чичерина он по прежнему не принимал, хотя и уважительно высказывался о фактологической стороне исследований историка. В целом же поздняя оценка, данная Бестужевым-Рюминым разнообразным трудам Б.Н. Чичерина, вполне дружелюбна. «Глубокие философские знания Б.Н. Чичерина, – писал он, – не должны бы тоже оставаться забытыми: он первый познакомил нашу публику с историей развития государственных знаний, он представил обзор понятий о представительном правлении, который есть противовес ходячему восхищению правительством; в трактате «Наука и религия» он представил много веского в опровержение ходячему материализму. Только с почтением можно говорить о таких людях»¹.

От эклектического переплетения противоборствующих, хотя, надо признать, и не во всем взаимоисключающих точек зрения, Бестужева-Рюмина убергло все более ясно определявшееся с годами предпочтение славянофильского философско-исторического подхода, противопологающего однонаправленному схематизму либерально-западнической историографии идею множественности путей исторического развития. Отсюда, в сущности, проистекала и «широта понимания» различных точек зрения, подмеченная С.Ф. Платоновым: «К Н-ч остался между двумя влияниями на средней дороге и брал от каждой стороны то, что считал ее правдой. Два мирозозерцания делившие людей сороковых годов на кружки и лагеря, разумеется, очень знакомы были К Н-чу, но можно думать, что они отражались в его сознании скорее в виде научных направлений, чем в качестве практических программ, и от того он мог отнестись к ним спокойно, без предвзятости, так сказать, со стороны, и мог своим сильным критическим умом поймать положительные черты обоих направлений. Всю жизнь отличала его широта понимания, это умение уразуметь и столкновать самые разнообразные точки зрения, умение найти зерно истины и в том, что, казалось бы, ему совершенно чуждо, даже враждебно»². Это же отмечал и другой близкий к Бестужеву-Рюмину ученик, Е.Ф.Шмурло: «Высшую справедливость, истинно научное понимание он видел в признании за каждым искренно и серьезно продуманным взглядом известной доли истины»³. Современники отмечали, что ученая беспристрастность обнаруживает в Бестужеве-Рюмине приверженца принципов научности и объективности⁴, побуждает его к строгому следованию фактам и осторожности в обобщениях и выводах.

ГЛАВА II

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М.О. Кояловича. С.-Петербург, 1884 // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Январь. Ч. ССХХХVII. С. 133.

² *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. С. 169.

³ *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 135.

⁴ *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 504.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

В отличие от историографических, историософские взгляды Бестужева-Рюмина практически не привлекали внимание исследователей. Как теоретик и философ истории Бестужев-Рюмин до сих пор не оценен. Между тем понять ученую деятельность Бестужева-Рюмина без выявления его философско-исторических предпочтений невозможно. Философско-исторические взгляды Бестужева-Рюмина могут быть реконструированы со всей определенностью если и не законченной системы, то, по крайней мере, ясного и четкого мировоззрения. По своим философским убеждениям он примыкал к поздним славянофилам, активно пропагандировал теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, покровительствовал В.С. Соловьеву (Бестужев-Рюмин гордился, что смог привлечь В.С. Соловьева к преподаванию философии на Высших женских курсах, позднее он с интересом следил за историософской публицистикой В.С. Соловьева, что нашло отражение в его письмах, приводимых Е.Ф. Шмурло в своей книге), а немногим позже и А.И. Введенскому (заступничество Бестужева-Рюмина и М.И. Владиславлева помогло вызволить из-под ареста студента А.И. Введенского и спасти его от ссылки в Сибирь; Бестужев-Рюмин был инициатором оставления А.И. Введенского в университете для подготовки к профессорскому званию, А.И. Введенский, правда, выбрал специализацию по истории философии у М.И. Владиславлева). Для русской философии 60–70-х гг. XIX в. фигура Бестужева-Рюмина очень показательна. В нем отражаются основные течения русской мысли пореформенной России: славянофильство и западничество, ранний русский позитивизм (Бестужев-Рюмин, в частности, перевел «Историю цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля) и увлечение религиозной философией. Более того, хотя Бестужев-Рюмин и не создал самостоятельной философско-исторической концепции, но в своих трудах ясно выразил ту потребность в методологическом и теоретическом обосновании исторической науки, которая реализовалась в работах философствующих историков следующего поколения. Исследования Бестужева-Рюмина были непосредственно связаны с его преподавательской деятельностью в Санкт-Петербургском университете, и это во многом объясняет направленность его философско-исторических поисков и их незавершенность, но в то же время итоги его научной работы позволяют понять, почему философия и методология истории не могла не появиться у историков ближайших за ним поколений. В Петербургском университете это были Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Л.П. Карсавин.

Чтобы лучше представить ситуацию с преподаванием философско-исторических дисциплин в Санкт-Петербургском университете к приходу Бестужева-Рюмина, позволю небольшое отступление. Первый опыт философско-исторического построения принадлежал, по-видимому, А.И. Галичу, написавшему работу под названием «Философия истории человечества», которая не была опубликована и ее рукопись не сохранилась. Известно, что курс «Введение в науку истории» вел в Санкт-Петербургском университете М.С. Куторга¹. Как

¹ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 11.

можно судить по некоторым его статьям, по всей вероятности связанным с читаемыми лекциями, курс был посвящен анализу методологических и критических сторон исторического исследования¹. Один из учеников М.С. Куторги М.М. Стасюлевич, защитив в 1849 г. в Санкт-Петербургском университете магистерскую диссертацию «Афинская гегемония», напечатал в следующем году в журнале «Москвитянин» критическую рецензию на докторскую диссертацию Т.Н. Грановского «Аббат Сугерий»². Рецензия М.М. Стасюлевича спровоцировала полемику между петербургскими и московскими учеными, в основе которой лежало расхождение в понимании задач и специфики истории как науки. На защиту Т.Н. Грановского встали его ученики И.К. Бабст³ и П.Н. Леонтьев⁴. М.М. Стасюлевич был вынужден отвечать им уже на критику в свой адрес⁵. В Санкт-Петербургском университете М.М. Стасюлевич преподавал историю средних веков, а в 1860–1861 гг. читал философско-исторический курс «Историческая философия в ее связи с общим развитием цивилизации», но в 1861 г. вместе с профессорами К.Д. Кавелиным, А.Н. Пыпиным, В.Д. Спасовичем и Б.Н. Утиным он покинул университет в знак протеста против ареста полицией трехсот студентов, возмущавшихся новыми «временными правилами» министра Е.В. Путьгина. Последующая деятельность М.М. Стасюлевича носила не столько ученый, сколько общественный характер, связанный с изданием и редактированием им «Вестника Европы». Правда в 1866 г. он защитил докторскую диссертацию «Опыт исторического обзора главных систем философии истории», а в 1902 и 1908 г. переиздал ее под названием «Философия истории в ее главнейших системах», но на университетском преподавании это практически не отразилось. Традиция преподавания философии истории в бытность Бестужева-Рюмина в Санкт-Петербургском университете еще только складывалась, но в его работах уже четко просматривается потребность в философском взгляде на историю, что ближайшим образом проявилось в разработке теоретико-методологических проблем исторической науки. Сошлось здесь на авторитетное мнение Н.И. Кареева, отмечавшего, что интерес к «теории исторического знания в философском освещении» обозначился в России только к концу XIX в.⁶

Философии истории Бестужев-Рюмин отводил место одной из «форм исторического изложения». Ситуация рисуется ему следующим образом: «Одни

¹ *Куторга М.С.* Историческое развитие понятия истории от начала XVI ст. до нашего времени // Московские университетские известия. 1870. № 3; *Он же.* Очерк новейших историков Западной Европы. Леопольд Ранке // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Ч. 2; *Он же.* О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. Т. 104. Март.

² *Москвитянин.* 1850. № 12. Июнь. Кн. 2. Ч. III. Отд. IV.

³ *Бабст И.К.* Несколько замечаний по поводу критики г. Стасюлевича на книгу «Аббат Сугерий. Историческое рассуждение Т. Грановского» // Отечественные записки. 1850. Т. 71. Отд. III.

⁴ *Москвитянин.* 1850. № 12. Июнь. Кн. 2. Ч. III. Отд. IV; *Москвитянин.* 1850. № 20. Октябрь. Кн. 2.

⁵ *Москвитянин.* 1851. № 18. Сентябрь. Кн. 2. Ч. V. Отд. IV; *Москвитянин.* 1851. № 11. Июнь. Кн. 1. Ч. III.

⁶ *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 153 – 154.

историки имеют целью просто воспроизвести в живом образе то, что было, это – *история художественная или повествовательная, исторический рассказ*; другие хотят судить деятелей прошедшего, это – *история субъективная*; третьи – желают понять прошедшее в нем самом, это – *история научная*; четвертые ищут общего начала, из которого исходит вся деятельность рода человеческого, и этим началом объясняют исторические события, это – *история философская или философия истории*». Философия истории видится Бестужеву-Рюмину как отвлеченная схематизация не только упрощенно подчиняющая конкретные события прошлого «безусловным формулам», но и набрасывающая перспективы будущего исторического развития. «ЗаклЮчить все движение историческое в немногие формулы, – развивает он свою мысль, – найти верховное начало, из которого истекали бы эти формулы, заранее определить все будущее развитие – такова горделивая задача философии истории»¹. Философский подход к истории очень часто носит произвольный и внешний характер, мало согласуясь со спецификой исторического процесса. Удаленность философии от жизни, ее крайняя абстрагированность – главный недостаток, усматриваемый Бестужевым-Рюминым в философии истории. Напротив, задача истории – установление фактов, их осмысление, а через это и постижение самой жизни. Самый общий принцип, которым должна руководствоваться философия истории и который ученый периодически рекомендует в различных своих работах – наполнение эмпирии смыслом. Установление фактов неотделимо от их понимания². «Такие продукты чистого мышления, – писал он об отвлеченном схематизме философии, – были не раз в ходу у наших историков; но ими удовольствоваться нельзя в настоящее время, ибо, прикладываемые к жизни извне, они останутся какими-то нашивками, ярлыками, и нисколько не выражают самой жизни»³. Традиционная философия истории, строящаяся на умозрительных и метафизических принципах, не удовлетворяет ученого. Он неоднократно критиковал ее в различных своих произведениях за искусственность, незнание «азбучных понятий»⁴. «Бывают, впрочем, и такие случаи, – отмечал историк во вступительной лекции, – когда историческое сочинение остается только памятником эпохи, его вызвавшей, завоевывает себе место в истории общества, и остается совершенно бесплодным в истории науки... Таковы большею частию все, так называемые, философии истории»⁵. Более того философия истории порой не только бесполезна для исторической науки, но и способна затруднить само историческое исследование. Так, она может, руководствуясь инородными для самой истории идеями и смыслами, придавать неоправданно большое значение одним событи-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории, читанная в Санкт-Петербургском университете 2 сентября 1865 г. // Отечественные записки. 1865. Т. CLXII. С. 248, 250.

² «странно отделять знание фактов от их понимания» ([Бестужев-Рюмин К.Н.] Нечто о профессорах // Отечественные записки. 1861. Т. CXXXIX. № 4. С. 666–667.)

³ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 5.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая. С. 714, 715.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 244.

ям и незаслуженно принижать другие. «Желание все вывести из одних непреложных, строго логических законов, – по его словам, – заставляет нас часто не признавать истинного значения великих событий, которые мешают нашему воззрению развиваться в полной чистоте»¹. Конечно, то о чем говорит здесь Бестужев-Рюмин относится не только и даже не столько к философии истории, сколько к идеологии. Но опасность чрезмерной идеологизации исторического знания, нагруженности его посторонними смыслами, остается. На это и указывает Бестужев-Рюмин. Однако постоянные попытки построить философию истории заставляют признать, что «видно, сильна потребность в философии истории». Только строить ее надо с опорой на данные конкретных наук. Все обобщения философии истории должны быть индуктивными или «отвлеченно-реалистическими». Как писал Бестужев-Рюмин, не противоречащая принципам научности философия истории должна возникнуть «не на отвлеченно-идеалистическом начале, а на таком же отвлеченно-реалистическом»².

Негативное отношение к неумеренному философскому вмешательству в историческое познание у Бестужева-Рюмина сложилось в пору пристального и даже придирчивого анализа учения государственной школы, прежде всего «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Даже используемое им переименование государственной школы в «школу философской необходимости» должно, по его мнению, несколько принизить значимость этой школы. Третирование философии в ее метафизическом варианте – излюбленное занятие позитивитски ориентированного мышления. Задача всякой науки, стремящейся укрепить свою научность, состоит в том, чтобы держаться тех способов и методов познания, которые распространены в естественных науках. Беря естествознание в качестве образца, история оказывается более способна постигать природу в ее общественном проявлении. Философия же по классификационным меркам позитивизма тяготеет к предрассудкам и тяготится заблуждениями. Такая участь постигла и государственную школу, слишком увлекшуюся наложением философских схем на русский исторический процесс. «Жаль только, – сетовал Бестужев-Рюмин, – что эта игра в философию поддерживает у нас много застарелых мыслей и понятий, рожденных в московских приказах, подкрепленных в свое время застенком и дыбою, а теперь философскими построениями...» Подобное теоретизирование по меньшей мере преждевременно, а неоправданное философствование на темы русской истории и вовсе ошибочно. «В водовороте частных, отдельных, дробных мыслей, – рассуждал историк, – есть общие начала, как есть общие начала в жизни природы физической. Быть может, в последнем анализе мы придем к тому мнению, что те и другие начала в сущности тождественны; но пока еще мы не знаем этих начал и потому недоверчиво смотрим на отвлечения от действительности, на схемы, в которых по мнению историков-философов, выражается народная жизнь»³.

Исторический фатализм, характерный для С.М. Соловьева и всего репрезентируемого им направления, также вытекает из теоретического подхода к исто-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 7.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 251.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Философия истории и московское государство. С. 3.

рии. Философское знание отождествляется Бестужевым-Рюминым с обобщенным, логическим, необходимым. Детерминирующая оптика философского построения истории заметно упрощает жизнь. Теоретическая дальнорочность упускает из виду множество наполняющих жизнь мелочей, деталей, частных и вовсе устраняет из исторической жизни случайность. «Всякое общее положение, – предупреждал Бестужев-Рюмин, – должно быть применимо к действительности весьма осторожно; никогда не следует упускать из виду, что общие начала переплетаются в жизни и от их взаимодействия происходят совершенно неожиданные результаты; к тому же действительность допускает столько случайного, дает столько простора временным, мимолетным впечатлениям, что подвести ее под безусловные, непогрешимые общие начала решительно невозможно»¹. Если уж теория не способна в полном объеме отразить жизнь, то, по крайней мере, ее ограниченные возможности не стоит абсолютизировать, совершенно исключая из жизни случайность. «Надо же дать в истории места случайности, – настаивал исследователь, – или таким обстоятельствам, объяснения которых не по силам науке в ее современном состоянии»².

Однако есть такая область исторического знания, которая не может обойтись без философии. Это методология истории. В специализированных исторических трудах вопросы методологии как правило рассматриваются во введениях. «Такое введение, – пояснял Бестужев-Рюмин, – требует особенного занятия философией, ибо тот или другой взгляд на общий ход истории находится в тесной связи с тою или другою системой метафизики и этики». Надо заметить, что выбор ученым философских дисциплин (метафизика и этика) выглядит несколько странным, поскольку задача методологии истории – обоснование специфики исторического познания. Впрочем, многогранность термина «метафизик» может при желании включать в себя и гносеологическую проблематику. Увлечение позитивизмом, да и вообще некоторая полемическая заносчивость ранней публицистики Бестужева-Рюмина, часто приводили к категоричному неприятию любых философских обобщений в истории. В статьях, написанных в последний период жизни, т. е. после ухода из университета, Бестужев-Рюмин уже с большим вниманием подходил к возможности философского взгляда на историю. В рецензии на работу Э.А. Фримана «Методы исторических занятий» он фактически оправдывал приложение философии к истории, видя в философии истории разновидность научной формы истории. «Характер науки, – писал он, – получает та форма истории, которую мы позволим себе по старому назвать философией истории, ибо такое название исключает крайности и социологии, и политики, и хотя допускает разнообразие взглядов, происходящее от различия метафизических и этических систем, но дает возможность шире поставить вопросы. От влияния метафизических и этических воззрений не свободны ни социология, ни политика, в особенности первая. Механическое мировоззрение есть метафизи-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 18; см. дословно: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 120.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 20.

ческое учение: материализм, а утилитаризм (с его видоизменением альтруизма) – тоже учение этическое. От метафизики и этики некуда уйти человеку, и отказываясь от них, он все же ими занимается: как мольеровский герой, не зная того, что говорит прозой, все же говорит прозой».

Признав неустрашимость философской точки зрения из исторического познания, Бестужев-Рюмин переносит свою критику на социологию. Подобная переакцентировка показательно в том отношении, насколько изменились под влиянием славянофильского учения и обострения религиозного чувства взгляды историка. Теперь под критический удар попала самая позитивная (до буквальности) наука – социология. Бестужев-Рюмин, правда, смягчает свой критический тон до сомнения в научном всеилии новой о ту пору дисциплины. «Современные социологические построения, – пояснял он свое отношение к позитивной науке об обществе, – грешат главным образом преобладанием естественнонаучной и экономической точки зрения. Эти точки зрения тесно связаны между собою: современное естествознание (в большинстве своих представителей) ставит главной своею целью *механически* объяснить мир, удалив все, как ныне любят выражаться, теологические и метафизические объяснения. Материальное благосостояние ставится в следствие того целью человеческого развития. Оттого и современные социологи, и подчиняющиеся их влиянию исследователи исторические заняты главным образом экономическими отношениями и ими объясняют развитие общества. С этой точки зрения единственным мерилom умственного развития служит развитие естествознания, а при том характере, который оно получило с конца XVIII века – развитие материализма». «Современная социология, – продолжал историк свою мысль, – стремясь стать наукою естественною, желает принять точный характер науки о природе и подобно астрономии, химии, частью метеорологии имеет возможность предсказывать явления». Ретроспективный ракурс истории, конечно, ничего не может противопоставить прогностической функции социологии. И только философия истории, раскрывающая перед исторической наукой всемирно-исторические перспективы, способна поддержать ее научный статус.

Упрек, высказываемый Бестужеву-Рюмину в недооценке экономического фактора в истории, вполне справедлив. Прекрасно разбираясь в тенденциях современной науки, ученый понимал, что внимание к материально-хозяйственной стороне в ущерб другим составляющим истории, характерно для текущего периода развития историографии. «Определить законное место явлениям экономического порядка, – писал он, – в ряду явлений исторической жизни – одна из самых настоятельных задач. XIX век слишком горд своим материальным прогрессом и слишком склонен видеть в нем венец развития человеческого». Однако историк осознанно отказывался от абсолютизации материальных отношений в жизни и истории, противопоставляя им отношения религиозно-нравственные. Согласно Бестужеву-Рюмину, если уж и выбирать различные акценты и предпочтения в истории, а такой выбор неизбежен, то преимущество следует отдать духовному началу. Более того, в предпочтении нравственных и религиозных основ жизни он видел особенность русской историографии или, по крайней мере, желал видеть ее в качестве основы последующих исследований. Определяя

специфику национальных школ в историографии, он писал: «Из трех намеченных нами точек зрения: политико-общественной английской, культурно-общественной немецкой (сюда, кажется, следует отнести и новых французов) и нарождающейся духовной русской, имеющей поставить во главу угла не материальную только и не политическую, а цельную духовно-нравственную культуру – из трех этих воззрений мы, конечно, отдаем преимущество последнему, ибо хотя политическая форма есть видимое выражение общественного строя, а строй общественный обуславливается главным образом нравственно-религиозными основами, дающими ему тот или другой культурный характер»¹. Е.Ф. Шмурло объяснял подобные исследовательские предпочтения своего учителя особенностями его исторического образования. В ту пору, когда формировались исторические и научные взгляды Бестужева-Рюмина, экономические интересы на получили в русском обществе того господствующего положения, которое они заняли несколько десятилетий спустя. «Воспитание Бестужева-Рюмина, – писал он, – совпало с той порою, когда в науке преобладали интересы культурные и политические, что до известной степени обусловило его отношение к позднейшим течениям в русской историографии»².

Современники по-разному воспринимали мысли, высказываемые Бестужевым-Рюминым о философии истории. Однако практически все признавали, что, несмотря на выступления против засилья философских точек зрения в истории, сам ученый явно тяготел к двум вариантам философского отношения к истории. С одной стороны, он мечта выявлять основные смысловые моменты русской истории и тем самым задать философский масштаб ее понимания. С другой стороны, Бестужев-Рюмин осознавал необходимость разработки источниковедческих и критических основ исторического исследования, которые в совокупности могли бы составить костяк методологии истории. «Но философское воззрение на смысл исторических явлений, – истолковывал подход своего коллеги Л.Н. Майков, – никогда не отвлекало его от строгого и точного изучения фактов, какой бы стороне народной жизни, материальной или духовной, они не принадлежали. Напротив того, он был в высшей степени осторожен в своих исторических обобщениях; он высоко ценил дело исторической критики и постоянно настаивал на внимательном изучении и разборе источников»³. Опора на факты, считал Бестужев-Рюмин, должна стать не только исходным пунктом исторического исследования, но и основой любого философско-исторического обобщения. Более того, в согласии с требованиями позитивизма, исследователь полагал, что сама философия факты не добывает, а может лишь заимствовать их у других наук и соответственно полагаться уже на обобщения, сделанные в этих дисциплинах. «Иные требования от философского толкования истории, – уточнял он свою мысль, – предъявляет наше время: только многостороннее обследование разных сторон жизни, только сопоставление множества одинаковых, нередко самых мелких фактов дает право историку на общие выводы. Заметим,

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий // Журнал министерства народного просвещения. 1887. Ч. ССХLIX. Февраль. С. 293, 308, 307, 308, 303, 299.*

² *Шмурло Е.Ф. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 179.*

³ *Майков Л.Н. Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 159–160.*

притом, что этим общим вводам должны предшествовать частные, второстепенные выводы по каждой из сфер жизни в отдельности». Ограничивая возможности философского вмешательства в работу историка, он уточнял, что «философская деятельность может ограничиваться только частными результатами или полемическим отношением к существующим мнениям»¹. Близко знавший Бестужева-Рюмина Е.Ф. Шмурло отмечал у своего учителя постоянный философский интерес к истории. «Философская мысль, – обозначал он направленность научных поисков Бестужева-Рюмина, – всегда преобладала в его работах, даже исключительно исторических. Пишущий эти строки помнит, как часто покойный Бестужев-Рюмин возвращался к мысли о том, чтобы со временем написать такую книгу, где бы в сжатой и доступной форме изложены были основные начала истории России, и была бы дана руководящая нить в понимании прошлого во всем его целом»².

Субъективной истории Бестужев-Рюмин уделял мало внимания и подробно ее не пояснял. Согласно его формулировке, «история субъективная или скорее нравоучительная»³ принадлежит в большей мере прошедшему и пройденному этапу развития историографии, хотя некоторые элементы субъективизма, безусловно, остались. Субъективизм в науке компенсируется полнотой знания. «Хотя – прибавим еще – без мысли, без суждения, стало быть, без большей или меньшей субъективности нет человека, если порыться хорошенько, то полной объективности нигде в действительности не окажется. Судит каждый, конечно, по своему разумению, но прежде, чем судить, надо знать», – полагал ученый. Знать для Бестужева-Рюмина означает прежде всего быть сведущим в существующей исследовательской литературе. Разъясняя свою точку зрения, он отмечал, что «в науке вообще дорога такая субъективность, которая, богатая внутренним содержанием, обогатилась и развилась еще объективным знанием. Другие же субъективности сильно напоминают лирических поэтов...»⁴.

В каком-то смысле допущение в историческое исследование субъективного элемента позволяет историку, а для Бестужева-Рюмина и обязывает, историка обратить внимание на художественную сторону исследования. Бестужев-Рюмин не случайно подчеркивал две стороны исторического труда: научную и художественную. История как искусство дополняет и даже венчает историю как науку. Целью исторических разысканий должно быть не установление частных фактов и локальных взаимосвязей. Сплетение многообразия фактов в единое целое, панорамный обзор прошлых судеб человечества требует и доступного, по художественному яркого, в чем-то образного изложения. Художественность подражает популярности и изяществу в передаче фактов. «Имея постоянно в виду результат, – писал Бестужев-Рюмин, – историк не может беспристрастно отнестись к явлению; он не может любить этого явления для него самого; он

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьёва. С. 5, 6.

² *Шмурло Е.Ф.* Памяти К.Н. Бестужева-Рюмина // Журнал министерства народного просвещения. 1897. Ч. СССІХ. Февраль. С. 178.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 248.

⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 99, 100.

торопиться к выводу; а каждое явление (мы говорим не о личностях и не о случайностях) не может быть постигаемо иначе, как любовью. Историк-исследователь родня художнику и должен вносить в свое изображение не вражду, не борьбу, а художественное примирение»¹. Художественность исторического повествования, таким образом, имеет и методическое значение. Прошлое познается любовью, переживается как личное сопричастие минувшим событиям. Любовь подразумевает смысловое постижение прошлого посредством его художественной артикуляции. Бестужев-Рюмин неоднократно писал о том, что «историк должен быть художником», что история пишется не для узкого круга специалистов. «Художественность в истории состоит в умении представить эпоху живо и образно...», – кратко растолковывал он свою позицию². В другой статье, имея в виду Н.М. Карамзина, Бестужев-Рюмин уточнял свою мысль. Согласно критике, «главная задача истории – представить в ярких образах человека в его высших и низших появлениях – человеческие страсти стояли на первом плане для историка»³.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина была для Бестужева-Рюмина образцом художественного осмысления русской истории. Желая польстить исследователю, М.О. Коялович усматривал в исторических работах Бестужева-Рюмина восстановление «лучших приемов Карамзина»⁴. Бестужев-Рюмин еще в детстве познакомился с «Историей государства Российского». Он вспоминал, что отец дважды читал ему карамзинскую историю целиком⁵. Бестужев-Рюмин на всю жизнь остался поклонником таланта Н.М. Карамзина-историка и писателя, считая его труд непревзойденным шедевром русской историографии. На первой странице своей диссертации он ссылаясь на научный авторитет историографа, поскольку «в «Истории государства Российского» Карамзина... можно найти в зародыше все, что развивается наукой нашего времени»⁶. В отдельном же очерке о Н.М. Карамзине Бестужев-Рюмин давал следующее определение заслуг историка: «Проверяя Карамзина по источникам, каждый убеждался в том, что если теперь есть успех в занятиях русскою историей, то самый успех этот зиждется, как на твердом основании, на великом творении Карамзина; каждая новая попытка воссоздать в целом прошедшую судьбу Русского народа была только новым доказательством недостижимого величия «Истории государства Российского» – этой единственной истории в полном смысле слова, какую только имеет Русская земля»⁷. После такой оценки понятна и рекомендация Бестужева-Рюмина: «...книга эта («История государства Российского». – А.М.) должна быть настольною книгою каждого, занимающегося

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 22.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 9.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. 1851 – 1876 // Русская старина. 1876. Т. XV. Январь, февраль, март, апрель. С. 680.

⁴ Коялович М.О. История русского самосознания. С. 504.

⁵ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 9.

⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XV века. СПб., 1868. С. I.

⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 172.

русскую историю»¹. В то же время Бестужев-Рюмин понимал, что при всех достоинствах труд Н.М. Карамзина принадлежит ушедшей эпохе, хотя, конечно, его историографическая и методологическая ценность сохраняются. По словам исследователя, «нравственная проповедь в образах художественных – вот смысл и значение истории Карамзина, которая теперь, сверх своих неумирающих достоинств художественных и ученых, приобрела еще для нас значение важного памятника эпохи Александра I»².

Рассматривая философско-исторические взгляды Бестужева-Рюмина невозможно обойти вопрос о его отношении к Владимиру Соловьеву. Историк внимательно следил за творчеством В.С. Соловьева, высоко его ценил и старался всячески поддержать молодого мыслителя. Как известно В.С. Соловьев защищал в Санкт-Петербургском университете диссертации, магистерскую и докторскую, был принят в университет приват-доцентом, но вот получить возможность читать лекции по философии смог только по протекции Бестужева-Рюмина на Высший женских курсах. Биограф В.С. Соловьева С.М. Лукьянов приводит письмо Бестужева-Рюмина к вдове своего друга С.В. Ешевского о защите В.С. Соловьевым магистерской диссертации: «Дорогая моя Юлия Петровна! Был вчера диспут вашего любимца Соловьева. Знаю, что он интересуется вас, и потому спешу написать вам несколько строк. Такого диспута я не помню, и никогда мне не случалось встречать такую умственную силу лицом к лицу. Необыкновенная вера в то, что он говорит, необыкновенная находчивость, какое-то уверенное спокойствие – все это признаки высокого ума. Внешней манерой он много напоминает отца, даже в складе ума есть сходство; но мне кажется, что этот пойдет дальше. В нашем кругу осталось какое-то обаятельное впечатление; Замысловский, выходя с диспута сказал: «он стоит как пророк». И действительно, было что-то вдохновенное. Оппонентов было много из публики, спор был оживленный; публика разделилась на две партии; одни хлопали Соловьеву, другие – его противникам. Если будущая деятельность оправдает надежды, возбужденные этим днем, *Россию можно поздравить с гениальным человеком...*»³. Письмо Бестужева-Рюмина носит несколько приподнятый характер, но таково, видимо, было впечатление от магистерского диспута. Историк очень волновался за судьбу В.С. Соловьева, когда узнал о его выступлении с призывом к Александру III помиловать убийц его отца. Бестужев-Рюмин, вероятно, разделял это требование. По крайней мере, когда Л.Н. Толстой написал императору письмо с призывом амнистировать цареубийц, именно Бестужев-Рюмин через вел. кн. Сергея Александровича передал это письмо государю, после того, как друг Л.Н. Толстого Н.Н. Страхов, также входящий в императорскую семью, не решился этого сделать.

Касаюсь взаимоотношений Бестужева-Рюмина и В.С. Соловьева Е.Ф. Шмурло писал: «Вл. Соловьева Бестужев-Рюмин ставил, особенно в эту пору (1883 г.

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 2.

² Бестужев-Рюмин К.Н. XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 681.

³ Цит. по: Лукьянов С.М. О Владимире Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Книга первая. Пг., 1916. С. 415–416.

– А.М.), очень высоко. Он гордился тем, что ему удалось такой выдающийся талант, человека с таким обширным и глубоким образованием привлечь на Высшие женские курсы и убедить его читать там лекции по философии; с полным сочувствием следил он за развитием его дарований и возлагал на него большие надежды». И тут же Е.Ф. Шмурло приводит цитату из письма Бестужева-Рюмина от 12 мая 1883 г.: «Вспомните, что в числе профессоров (В. Ж. Курсов) был человек, которому я не *в версту* (говоря языком местничества), которому, вероятно, суждено иметь еще огромное влияние, а, может быть, если он не собьется, историческое значение». Е.Ф. Шмурло в своей книге приводит ряд писем Бестужева-Рюмина из Рима, относящихся к 1883 и началу 1884 г., посвященных историософским статьям В.С. Соловьева. Бестужев-Рюмин сопоставляет В.С. Соловьева с А.С. Хомяковым по силе и таланту, видит в нем продолжателя дела лидера славянофилов (недаром, и в В.С. Соловьеве и в славянофилах он замечал веру в то, что они говорят), но сокрушался об отступничестве В.С. Соловьева в католицизм. Поэтому в полемике между В.С. Соловьевым и Н.Н. Страховым Бестужев-Рюмин был на стороне Н.Н. Страхова.

В письмах Бестужев-Рюмин высказывался о В.С. Соловьеве в таких выражениях, как «Талант изумительный», «эстетика за ним». «Да, – сетовал он, – в Русской земле великие люди или рано умирают, или сами себя хоронят. Впрочем из великих очень этот был бы первый, авось-либо с ним этого не случиться». Здесь же Бестужев-Рюмин касался философско-исторических вопросов, которые не решался, по-видимому, обсуждать в статьях и специальных работах. Неофициальный характер писем делал его более свободным в суждениях. «Все-человечество, – писал он по поводу статьи В.С. Соловьева «Великий спор и христианская политика», – возможно только в будущем мире, т. е. уже неземном, а здесь необходимо разнообразие, а при разнообразии неизбежна борьба. В ней до сих пор состояла история. Может измениться форма борьбы, но борьба останется. Большая или меньшая примесь зла к добру есть необходимое следствие несовершенства и необходимое побуждение к развитию, совершенствованию. Я верю, что наступающий исторический период наш; но не думаю, чтобы им завершилась история. Нами должно только кончиться преобладание арийского племени. Не думаю, чтобы все другие племена созданы были служить только этнографическим материалом». Эсхатологические ожидания Бестужев-Рюмин связывал не со славянством, а с Китаем. Разделяя представления В.С. Соловьева о «желтой угрозе», он считал, что господство Китая будет означать предвещенную Евангелием временную победу зла над добром в конце времен. «Мне всегда казалось, что этому народу, – писал историк в январе 1883 г. о китайцах, – когда он познакомится с технической стороною цивилизации европейской, принадлежит страшная роль в будущем. Он народ материалист, народ без веры и без совести. Мне чудится в нем войско Антихриста. Впрочем это опять область гаданий»¹.

Подобные идеи сближали Бестужева-Рюмина с представителями славянофильства. Разбору их концепции он посвятил небольшой цикл статей «Славя-

¹ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 233, 235, 233–234, 234.

нофильское учение и его судьбы в русской литературе», напечатанный в 1862 г. в «Отечественных записках». «Мы глубоко уважаем славянофилов именно за то, – писал критик, – что они признают верховное значение сознания и первым условием поступательного движения ставят свободу слова, вследствие чего и восстают против всякого насилия, откуда бы оно ни шло; но торжество сознания медленно: вот где подводный камень учения об единогласии, одного из основных начал славянофильской доктрины... Вообще воззрение славянофильское слишком целостно, слишком идеально и потому вполне верно только в крупных чертах: история для них является едва ли не чем-то внешним; внутренняя же сущность остается неизменна»¹. До этой работы Бестужева-Рюмина ни в русской науке, ни в русской публицистике не было столь обстоятельного и спокойного анализа основных положений славянофильской доктрины, ее сильных и слабых сторон. Исследователь не даром называет славянофилов «первыми носителями настоящего русского сознания»; они – провозвестники периода самосознания в русской истории, т. е. периода приходящего на смену эпохе чувства. Однако эпоха самосознания не сводится к критике русской и западной жизни, ее задача – нащупать основы национальной жизни. Славянофилы по преимуществу останавливаются на ступени сомнений и критики. Впрочем, Бестужев-Рюмин понимает, что не имеет еще возможности оценить славянофильское учение в целом; не все произведения ранних славянофилов опубликованы, не все высказанные ими идеи стали достоянием образованной части общества, не завершен еще и сам славянофильский проект. Славянофилы по существу заложили философскую основу учения и задали общее направление последующего развития мысли, но мало останавливались на подробностях и деталях. Задача ранних славянофилов была по-преимуществу философская и критическая. По словам Бестужева-Рюмина, «только широкое философское образование первых деятелей славянофильской партии (Киреевского (вспомним *Европейца*), Хомякова, Самарина, К.С. Аксакова) дало им возможность создать полную, логическую теорию и обосновать ее на ясных и раздельных понятиях. В трудах славянофилов первой эпохи преимущественно поражает стройность мысли, проникновение в самую сущность. Подробная разработка идет уже затем»².

Однако Бестужев-Рюмин далек от того, чтобы идеализировать славянофильское учение. Он подмечает незавершенность теоретических построений славянофилов, недоговоренность многих их положений. Поэтому историк признается, что «на торжество их учения в том виде, в каком они его излагают, и надеяться нельзя: ибо все, что они говорят – только намеки, нередко не совсем отделенные от разных исторических явлений». Славянофилы, по-видимому, и не стремились к выработке законченного мировоззрения, к догматизации своей теории, а в основном полемически реагировали на «ситуацию». Критическая сторона славянофильской концепции явно преобладает над положительным изложением учения. «Мы убеждены, – признается Бестужев-Рюмин, – что философские попытки Киреевского и Хомякова не есть что-нибудь окончательное:

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая. С. 690.

² Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 126.

на них слишком заметна печать «злобы дня»; они далеко не чужды поспешности, вызываемой тем, что являлось неотразимой потребностью и полемическим отношением к учениям уже существующим. Для своей цели они старались воспользоваться данными, очистив их всем тем, что сделано западною наукою после отделения Запада от Востока»¹. Впрочем, с годами Бестужев-Рюмин готов был примириться и со злободневностью в исторических и философских взглядах. Так, в популярном очерке «Чему учит русская история» он, снисходя к мировоззренческим слабостям Екатерины II, делал следующую оговорку: «...у каждого дня есть своя злоба и никому из людей не дано миновать ее вполне». Злободневность славянофильской философии, отмеченная Бестужевым-Рюминым, другой своей стороной прикрепляет размышления славянофилов к действительности или «почве». «Правда их в том, – пишет историк, – что всякое учение крепко почвою, на которой оно стоит; правда и то, что отвлеченный разум приводит к таким крайностям, от которых страдают самые начала общества и нравственности; что только нормальное развитие духа есть спасение от этих крайностей; но состоит ли это нормальное развитие в принятии данной пережитой формы, или в вечном создании таких форм, в которых было бы не тесно ни уму, ни чувству? Вот вопрос, решением которого славянофилы слишком поторопились».

К другим недостаткам славянофильских воззрений Бестужев-Рюмин относит преувеличенное значение охранительных, консервативных элементов в истории и недооценку элементов, связанных с отказом от старых форм жизни, с приспособлением к изменяющимся условиям. Согласно ученому, «историческое развитие состоит вместе с хранением и в отрицании. Этой силы отрицания не понимают славянофилы и не дают надлежащего места в общем развитии»². Аналогичное замечание, если можно так выразиться, историк делает Петру I, превращая историческую традицию, что привело к худшим последствиям беспочвенного реформаторства.

Отдельно Бестужев-Рюмин подвергает критике взгляд славянофилов на религию, считая, в частности, неверным мнение о православии как основе народности. «Здесь мы никак не можем согласиться с их мнением, – пишет историк об отождествлении русского народа с народом православным, – православие как религия заимствованная, не может служить отличительным признаком народа»³. Более того, «привилегии на исключительную нравственность не имеет ни один народ», – добавляет он. И тут же деликатно замечает, «что напрасно славянофилы слишком напевают на мирное принятие христианства».

Не согласные с точкой зрения славянофилов соображения Бестужев-Рюмин высказывал и о деятельности Петра I. Следует заметить, что историк не касался личности первого российского императора, а только оценивает его реформы и характеризовал заданное им направление исторического развития. «Мы даже не

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая // Отечественные записки. 1862. № 3. Т. CXLI. С. 56–57, 55–56.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 23, 57

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая. С. 684 – 685.

считаем возможным, – признается он, – прямое возвращение к началам Руси допетровской; мы думаем, что эти полтора года лет не даром прошли для России, что они создали новое положение и указали новые потребности». Бестужев-Рюмин довольно критично оценивает петровские начинания, но сам процесс европеизации признает необходимым и полезным. «Мы охотно верим, – уточняет он, – что петровская реформа была во многих отношениях отклонением от правильного пути развития; но это отклонение началось не с Петра и не бесследно прошло для русского общества; мы даже думаем, что и не бесполезно; конечно, главная польза отрицательная: мы знаем, каким путем общество не должно идти, чего именно надо избегать. Но между плодами петровской реформы не все и горькие: европейское просвещение принесло нам гуманность, принесло опыт тысячелетней жизни, который служит лучшею опорой нашего собственного опыта»¹. Петровские преобразования в определенном смысле были неизбежны. Приобщение к европейской цивилизации, научно-техническая модернизация России была исторически необходима. Если бы Россия не ответила на этот вызов истории, то могла бы и прекратить свое историческое существование. «Нам нужно было познакомиться с европейской наукой и воспитаться в ее школе. Но это было, так сказать, последствием Петровской реформы, а ее задача состояла не в том: Петру нужна была материальная цивилизация, за нею он отправился в Европу, ей посылал он учиться русских, ее он налагал нетерпеливо». Однако Петр I нарушил соотношение исторических сил, сложившееся в России, отдал предпочтение «отрицательной», реформационной стороне исторического процесса и пренебрег стабилизирующими, традиционными элементами общества. Поэтому и опыт петровской реформы был негативным, или, по слову Бестужева-Рюмина, «горьким». «В каждой исторической эпохе, – констатирует исследователь, – есть отрицательная сторона, относящаяся к прошлому, и положительная, обращенная к будущему. Дорого платит иногда общество за отрицание полное, но до сих пор еще не найдено средства избежать этого недостатка, особенно в эпохи с преобладающим преобразовательным характером. Конечно, наученные горькими опытами люди начинают сознавать, что дело тем прочнее, чем лучше согласуется с существующими уже в обществе силами. Такого сознания не было в эпоху Петра, и жаль, что его не было»². Горечь петровских преобразований в том и состоит, что реформатор больше боролся с прошлым и искал сиюминутных выгод, чем думал о будущем России или, хотя бы, пытался представить перспективы ее исторического развития. В этом он несомненно сходится со своим предшественником М.М. Щербатовым.

В большинстве работ Бестужева-Рюмина звучит предостережение от односторонности и монологичности в науке. Еще в пору обучения в Московском университете его «мысль привыкала к работе, смотрела с разных сторон на одно и то же явление, и вырабатывалось убеждение в том, что только разностороннее воззрение может привести к истине»³. Созвучие своим настроениям, а в какой-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья третья и последняя // Отечественные записки. 1862. № 5. Т. CXLII. С. 4, 12, 13.

² Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 108, 131.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. С. 252.

то степени их воплощение, историк встретил в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» – этой, по его словам, «замечательнейшей из всех русских книг последнего времени, а может быть, даже и не одного последнего»¹. В некрологе Н.Н. Страхова Бестужев-Рюмин утверждал, что «Россия и Европа» должна стать «настойною книгою всякого русского человека»².

Бестужев-Рюмин отдает отчет, что мысли, изложенные Н.Я. Данилевским, высказывались и другими авторами (Вико, Рюккерт, Фриман), но только Н.Я. Данилевский развил их «полно, обстоятельно и широко»³. Да и сам ученый ранее неоднократно высказывал схожие убеждения. Так в 1859 г. в обстоятельном историографическом обзоре «Современное состояние русской истории как науки», посвященном разбору первых восьми томов «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, он рассуждал о народе «как о живом развивающемся организме», а имея в виду специфику периодизации истории вполне в духе биологизма «естественной системы истории» Н.Я. Данилевского, отмечал, что «периоды суть органические ступени развития и более ничего». Рассматривая в той же статье «отличительные черты русской истории», Бестужев-Рюмин указывал на «невоинственный, а мирный» характер русской колонизации⁴. Во вступительной лекции в курс русской истории, с которого началась преподавательская деятельность Бестужева-Рюмина в Санкт-Петербургском университете, он приходил к мысли о непередаваемости начал исторической жизни, в частности о непрочности пересаженных учреждений, и о необходимости терпимо относиться к различным формам и направлениям исторического развития, воспринимать в них не только дурное, но и хорошее⁵. В рецензии на книгу М.О. Кояловича «История русского самосознания» Бестужев-Рюмин высказывался еще более определенно. Заимствования неизбежны на ранних этапах общественной жизни, так сказать, в пору юности исторического организма. Он писал, что «умственная жизнь каждого молодого народа находится во внешней зависимости от жизни народов, которые старше его образованием; от них берет он в свои учебные годы внешние приемы, как ученик берет их от учителя». Однако постепенное взросление народа, формирование его исторической индивидуальности делает менее необходимым дальнейшие культурные дотации. Признаком исторически состоявшегося народа является «почва» как своеобразная упругая эйдетическая среда, противостоящая прививкам иных смыслов. Крепость почвы, плотность смыслового слоя – показатель культурного здоровья народа. Определенные дозы заимствований, конечно, необходимы, но лишь в качестве средства поддержания сопротивляемости исторического организма. Как сказал бы Н.С. Трубецкой, между собственными, автохтонными ценностями и заимствованными происходит «борьба за признание», и успех ее, добавим

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. СПб., 1995. С. 461.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Н.Н. Страхов [Некролог] // Журнал министерства народного просвещения. 1896. № 2. С. 117.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов. С. 462.

⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 1, 60, 122.

⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 245–246.

за Бестужева-Рюмина, зависит от ценностного иммунитета народа, от ассимилирующих возможностей почвы. По словам Бестужева-Рюмина, «но воззрений вполне пересадить нельзя: их перерабатывает почва. Если даже в известную эпоху какое-либо очень сильное логически или своею видимою ясностью и согласием со страстями человеческими нравящееся чужое воззрение и восторжествоует, то в живом организме оно должно встретить отпор; самое многообразие нахлынувших воззрений представляет известное обеспечение от односторонности. Борьба воззрений бывает иногда продолжительна и может получить болезненный характер; но кому болезнь к смерти, а кому к росту»¹. Вторя этому утверждению, Бестужев-Рюмин полагал, что «народы исторические умеют постепенно отделяться от язв и зол, оставляемых предшествовавшими эпохами и составляющими необходимую принадлежность всякого развития»². Признак исторического народа – выработка самобытной культуры. Отсюда и главная задача, стоящая перед русским народом – интенсификация самостоятельного культурного творчества, а задача русской историографии – акцентация культурного элемента в историческом процессе. Попыткой рассмотреть русскую историю с культурной стороны и стала «Русская история» Бестужева-Рюмина. «Русской земле, – истолковывал он взгляды Н.Я. Данилевского, – подлежала и подлежит громадная и трудная задача: сознать основы своего бытия, отделив их от всей своей многовековой истории, и на них воздвигнуть новое здание своей цивилизации»³. Но активная культурная деятельность не означает самоизоляцию. Знакомство с иными культурами, обучение у других народов помогают осознать цивилизационные основы собственной жизни. Однако необходимо, чтобы период ученичества не затягивался слишком долго. «Каждый великий исторический мир, – констатировал историк, – приносит с собою свое животоворящее начало и им растет и движется. Учиться у других должно...»⁴ Еще один пункт, разделяемый Бестужевым-Рюминым вместе с Н.Я. Данилевским, – отношение народности и государства. «Итак, говорим мы, охрана народности – цель государства», – писал он в одном из критических разборов концепции С.М. Соловьева⁵. Основа единогласия в данном вопросе – учение славянофилов. Главной и более всего плодотворной мыслью Н.Я. Данилевского Бестужев-Рюмин считал представление о прогрессе в истории как о многонаправленном движении.

Рассматривая основные событийно-смысловые моменты русской истории, Бестужев-Рюмин не мог обойти стороной вопрос о взаимоотношениях России и славянства с Западом. И здесь он признавал след за Н.Я. Данилевским принципиальные культурные расхождения этих двух исторических деятелей. Базовые принципы западной жизни в интерпретации историка – сила, авторитет, личность. Но в этих основах кроется и главное противоречие западноевропейской

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 105, 107.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Чему учит русская история. С. 24.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов. С. 433.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Чему учит русская история. С. 7.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 9.

истории, изъясняемое как борьба между личной свободой и принуждающим авторитетом власти. Излагая свои представления, Бестужев-Рюмин писал, что «сила внешняя есть начало и конец для мира романо-германского, наследника Рима, воспитанного двойными преданиями авторитета, цезарским и папским; авторитету запад может противопоставить только личность и в гражданской и в духовной сфере (личное землевладение, сословные корпорации и протестантизм и т. д.). Вопрос о примирении свободы с авторитетом не разрешим на почве западной». Безболезненно принять общество, сложившееся на принципах силы и авторитета славянство не может. Там же, где это произошло и произошло, как правило, посредством насилия, славянство утратило изначальные черты. «Принятие славянами идеалов романо-германских, – полагал Бестужев-Рюмин, – вело только ко вреду славянству... Основы западного мира положительно противоположны основам славянским»¹. Исторические судьбы западных славян были искажены влиянием германства и католичества.

Критика и неприятие исторических основ западного мира, однако, не предполагает отказ от принципа личности, точно так же как и особенности национальной культуры не исключают единство общечеловеческого культурного развития. В истории, таким образом, мы видим взаимодействие этих трех элементов. Поясняя свою мысль, Бестужев-Рюмин писал, что «общечеловеческое, народное и личное три составные элемента всякой истории. Взаимодействие этих трех элементов, во всей их полноте, нам еще не ведомой, а не какой-то высший закон, как бы он ни назывался, управляет историей»².

Помимо идеи многонаправленности прогресса в истории русский ученый ценит в Н.Я. Данилевском то, что «в науку историческую он вносит метод и объективность естествознания»³. Сам стремясь обосновать и утвердить историю как науку и по-позитивистски видя путь к этому в сближении истории с другими науками и, прежде всего, с естественными, Бестужев-Рюмин остерегается от увлечения произвольными обобщениями, ведь обобщение – всего лишь «удобная остановка для мысли, теряющейся в многообразии фактов». Обобщение должно быть следствием индуктивной обработки фактов, и только. «Конечно, – пишет он, – чем большее число фактов разнородных принято во внимание при обобщении, чем строже обобщающая мысль держалась выводов, прямо из нее истекающих, тем более способствует оно дальнейшему движению науки, ибо возможность и необходимость этого движения не должна ни на минуту быть упускаема из виду, под страхом счесть неполную и относительную истину за полную и абсолютную, Немцев – за все человечество, цивилизацию XIX в. – за нормальную цивилизацию»⁴. Именно такой фактографически обоснованный подход к истории Бестужев-Рюмин видит в книге Н.Я. Данилевского.

Увлечение идеями Н.Я. Данилевского сочетается у него с чисто позитивистской критикой абсолютных форм знания. Претензия на единственность общечеловеческой цивилизации, облеченной в исторически и культурно конкретную

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Чему учит русская история. С. 21, 7.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Философия истории и московское государство. С. 5.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов. С. 435.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 5.

форму, воспринимается Бестужевым-Рюминым как претензия на абсолютность одной определенной культуры, в данном случае, романо-германской. Но ни в исторической науке, ни в жизни нет ничего абсолютного. «Абсолютные мерки, как и абсолютные истины, давно пора сдать в архив», – предлагает историк¹. Лидерство или господство одного народа, одной культуры, как показывает история, временно, универсальность цивилизационных стандартов относительна, исторически ограничена в свой «эффективности». «Так, строго говоря, – подчеркивал он, – нет ни одной теории, которая могла бы объявить себя окончательно торжествующей... приговор, произнесенный историю, можно считать окончательным только в известное время, никак не далее»². Субъективизм не устраним из взгляда на историю. И Бестужев-Рюмин специально выделяет особый вид истории – историю субъективную. Субъективизм может быть как личным, так и коллективным, но он неизбежен. Борющийся с сущностями позитивизм здесь находит неожиданного союзника в консервативной идее, высказанной в России еще П.Я. Чаадаевым и подхваченной славянофилами, что все в человеческом сознании вырастает общественно. Коллективистские истоки индивидуального сознания не позволяют возобладавать абсолютной объективности во взгляде на мир и в его познании. «Полной объективности, – признавал Бестужев-Рюмин, – нельзя достигнуть человеку по ограниченности его природы: каждый смотрит на мир под влиянием семьи и школы, в которых он вырос, книг, которые он читал, общества, в котором он жил. Из всех этих стихий, создается мирозерцание каждого и приводится в больший или меньший порядок, смотря по темпераменту, степени ума и даровитости самого человека. Этот порядок умственный и образует умственную личность»³.

Симпатией к идеям Н.Я. Данилевского проникнуты рассуждения Бестужева-Рюмина о том, что историческая жизнь разных народов как бы дополняет одна другую, проявляясь в различных национальных историях разными сторонами. Не согласен он и с делением народов на исторические и неисторические, предложенным «учителями нашими Немцами». В том же ключе формулирует он и идею всеобщей истории: «Всеобщая история только тогда станет в полном смысле всеобщей, когда она будет обнимать все народы, не пренебрегая и теми, которые почему-либо не успели развиваться». Отсюда понятен и его вывод: «Принять мысль г. Данилевского значит отказаться от великой неправды, совершаемой так давно уже просвещенными народами»⁴.

Более того, Н.Я. Данилевский теснее всего приближается к тому идеалу ученого-историка, который рисует Бестужеву-Рюмину. Ратуя за сближение истории с жизнью и понимая под последней, с одной стороны, совокупность реальных фактов, а с другой, – идеалы и нужды настоящего, он и в историке хочет видеть практического деятеля, сторонящегося неоправданных отвлеченных философских обобщений. Сочетание практицизма, преследующего не пустое

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 17.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. С. 3.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 96–97.

⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. С. 3, 2, 4.

любопытство, а пользу, при широте взгляда на вещи может послужить плодотворной основой научного исторического труда. Отчасти такой идеал историка уже реализовался в В.Н. Татищеве. «Он был историком только между делом», – отмечал Бестужев-Рюмин, намекая на активную государственную деятельность В.Н. Татищева. То, что с точки зрения кабинетного ученого можно было бы признать недостатком, исследователь выставляет в качестве достоинства. Как пишет Бестужев-Рюмин, «для нас... нельзя не признать счастливым того обстоятельства, что первым русским историком был практический, много видевший и в высшей степени обладающий даром наблюдательности человек. В вопросах чистой учености он принадлежит своему времени, но шириной постановки дела и практическим ограничением себя возможными пределами он обязан своей широкой практической деятельности»¹. Практицизм истории в XVIII в. понимался достаточно буквально: история должна приносить пользу прежде всего государству, например, обосновывая неизбежность его величия и случайность неудач, а затем и индивиду, служа подспорьем в видах самопознания или поставляя примеры для нравоучительных сентенций. В XIX в. практицизм принимает уже иной оттенок: он указывает на привязку науки к жизни, к чувственной реальности. Поэтому практицизм в итоге приводит уже не к моральным заключениям, а к установленным фактам. Реальность – то, на чем факт устанавливаем. Приближение к идеалу историка-практика, а не кабинетного ученого, посвятившего себя в жизни конкретным (пусть даже и не историческим) занятиям, практическим делам, позволяющим избежать голословных утверждений, и оперирующего с точностью естествоиспытателя лишь фактами и при этом сочетающего широту знаний с глубиной взгляда, собирающего эти факты в стройное единство концепции, в свое время Бестужев-Рюмин видел именно в Н.Я. Данилевском.

Практицизм Н.Я. Данилевского сказался и в его интересе к политическим событиям. Работы Н.Я. Данилевского наполнены большим количеством не только исторических, но и политических сведений. Собственно говоря, политический факт отличается от исторического только временной модальностью и доступностью опыту. Впрочем, возможность наблюдать политические события не делает их более известными, а уж тем паче более понятными. В смысловом отношении исторические и политические факты вполне сопоставимы. Полностью идентична задача, стоящая и перед историей и перед политикой: формирование национального сознания. Политика добывается этого через отстаивание национальных интересов, история – посредством знания прошлого и воспитания на его основе живущих поколений. Все это объясняет наличие в творчестве Н.Я. Данилевского политической публицистики, собранной Н.Н. Страховым и выпущенной в виде сборника статей уже после смерти автора. «Внешняя политика страны, – писал Бестужев-Рюмин в рецензии на этот сборник, – взгляды на нее общества – интерес первостепенный. Чем национальнее внешняя политика, чем глубже национальные чувства в народе, тем страна здоровее и сильнее. Развитие национальной политики было одной из главных задач славянофилов, одной из главных задач Данилевского». В отличии от истории, политика не обра-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 178, 9.

щается к прошлому, но и не замыкается в сиюминутных интересах и тяготах настоящего. Подлинная национальная политика – это чаяние о будущем. В жанровом отношении наилучшим отражением политики является публицистика. Публицистика по определению – реакция на злобу дня. Излишней злободневностью грешили в своих теоретических построениях и славянофилы. Есть она и у Н.Я. Данилевского. Но теперь эту злободневность Бестужев-Рюмин понимает и оправдывает, поскольку она вызвана заботой о будущем русского народа. В этом смысле славянофилы и Н.Я. Данилевский не ретрограды, а, скорее, футурологи. Знание и любование прошлым для них не самоцель; они исходят из любви и уважения к русскому народу в его настоящем положении; изучают его прошлое и настоящее ради его будущего. «Вот почему, – полагал Бестужев-Рюмин, – отрезвление взглядов общества на внешние отношения, указание исторических задач, пробуждение веры в себя и в ожидаемое будущее – дело важное. Этим важным делом занялся Данилевский в своих политических статьях, писанных с глубокою верою в русский народ и с тою логической последовательностью, которою отличаются все сочинения Данилевского»¹.

Однако в русской науке Н.Я. Данилевский не одинок. Он – продолжатель дела славянофилов – этих, по словам Бестужева-Рюмина, «первых носителей настоящего русского сознания». От хаоса соображений, разброда недоговоренных мыслей, тумана предчувствий и намеков ранних славянофилов Н.Я. Данилевский приходит к систематическому построению славянофильских воззрений. Его относят к поздним славянофилам как бы намекая на несвоевременность, запоздалость его мыслей, но у славянофилов не было догмы, не было канонизированных формул, а лишь общее направление взглядов, не взглядов даже, а построений. Поэтому Н.Я. Данилевский не мог опоздать. Более того, появление славянофильских идей и их последовательное изложение – закономерный и ожидаемый итог русского исторического развития. Здесь Бестужев-Рюмин обращается уже к мысли С.М. Соловьева о переходе русской истории в эпоху Петра I из периода чувства в период мысли, т. е. «от цельного инстинктивного творчества... к сомнениям, проверке, критике». Следующий этап – критика чужого – «едва начинается на нашей памяти»² и труд Н.Я. Данилевского принадлежит уже этому новому этапу.

ГЛАВА III ИСТОРИЯ КАК НАУКА

У С.М. Соловьева Бестужев-Рюмин заимствует и представление об истории как науке народного самосознания или самопознания. В большинстве своих работ он настаивает, что обязанность историка – быть «выразителем народного самопознания»³, «если история народа есть его самосознание, то, следовательно, народ в своей патриотической жизни постепенно раскрывает свои нравст-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Книга Н.Я. Данилевского. Сборник экономических и политических статей. Изд. Н.Н. Страхова. СПб., 1890 // *Русский вестник*. 1890. №3. С. 263 – 264.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов. С. 432.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории как науки. С. 7.

венные свойства»¹. В опубликованной посмертно статье «Задачи популяризации знаний» ученый пояснял универсальность принципа самосознания, распространяя его не только на личность, но и на народ. «Только ясно сознающий свои цели и средства, физические и нравственные, человек, – писал он, – может быть полезным деятелем общества; только ясно сознающий свои силы и средства народ может быть великим народом, внести свой вклад в общую сокровищницу человечества»². В первом томе «Русской истории» Бестужев-Рюмин обозначал два мало совместимых взгляда на историю: как на собрание редкостей, «повествование о достопамятных событиях» и как народное самосознание. Последний взгляд, соответствующий и установке на историю как науку, направлен на понимание внутренней связи фактов.

В отличие от С.М. Соловьева, Бестужев-Рюмин расставлял в истории иные акценты, выдвигал на первый план не политические события, а явления внутренние, бытовые и культурные. Более того, согласно его точке зрения, «во внешней жизни народа выражается его внутренняя жизнь»³. Параллельно с внешней, политической историей происходит и история бытовая, культурная. Политические и культурные факты переплетаются, влияют друг на друга. Правда, бытовая история в большей степени способна передавать многообразие жизни, чем история политическая. «Мы того мнения, – утверждал Бестужев-Рюмин, – что бытовая история вовсе не противоречит политической, а, напротив, должна быть в тесной, неразрывной связи с нею; только, разумеется, при ближайшем знакомстве с бытом изменится сама собою относительная важность того или другого события, а главное, перестановится точка зрения»⁴. Поэтому не следует строго отделять изложение внешней истории от внутренней, а, напротив, так группировать факты обоих порядков, чтобы передать «сущность предмета» и «дух времени»⁵. Однако внутренняя жизнь никогда исчерпывающим образом не проявляется в явлениях внешней жизни. Наиболее полное ее выражение возможно «только в целой жизни человечества, ибо то, что могло не выразиться в жизни известного народа или известной эпохи, выразиться в другом народе, в другой эпохе; то, что не полно выразилось в одном, уясниться, проявившись шире, в другом»⁶. Интерес к внутренней истории, таким образом, не замыкает исследователя в пределах одной эпохи и народа, а неизбежно подталкивает искать аналогичные проявления, быть может более яркие и точные, в иные времена и у иных народов. Для понимания внутренней жизни необходима всемирно-историческая точка зрения, которая, в свою очередь, корениться в представлении об однообразии, идентичности основных элементов внутренней жизни народов.

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 682.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Задачи популяризации знаний // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. LXVIII. С. 44.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 2.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 7.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 10.

⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 2.

Историко-культурный подход частично реализовался в «Русской истории» Бестужева-Рюмина. Ученый сосредоточился в своей работе на внутренних событиях и попытался связать их с культурными и бытовыми изменениями, происходившими в России. Современники подметили эту особенность исследовательской позиции Бестужева-Рюмина и его работы. В.О. Ключевский при всем своем критическом настрое к петербургскому профессору, отмечал, что «труд г. Бестужева-Рюмина по своему плану представляет опыт культурной истории России в широком смысле»¹. Профессор же Университета св. Владимира в Киеве В.С. Иконников в качестве одной из главных научных заслуг Бестужева-Рюмина прямо указывал на обоснование самостоятельного значения культурной истории – идеи, которая родилась из критики Бестужевым-Рюминым концепции государственной школы, в частности, разбора «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Согласно В.С. Иконникову, Бестужеву-Рюмину «принадлежит более точное разграничение в нашей истории элемента былевого, т. е. внешних фактов, от развития бытового или культурного»².

Что же составляет внутреннюю жизнь народа, раскрываемую историей как его самосознанием? Это должны быть устойчивые, вариативно воспроизводимые из поколения в поколение, из эпохи в эпоху представления, формы жизни, бытовые комплексы и т. п. Иными словами, «только более постоянное, более прочное может быть предметом народного самосознания, только в нем выражается народная физиономия, только его движения, изменения составляют сущность народной жизни, определяют ее рост и развитие»³. Поясняя свой подход Бестужев-Рюмин указывал еще несколько отличий, составляющих бытовую историю. Не все факты повседневной жизни достойны войти в такую историю. «Картины быта должны... заключать в себе только по-возможности общие черты», – уточнял он. Бытовая сторона, как и все, что составляет историю, подлежит развитию. Отживающие формы быта менее интересны историку, чем те, которые сохраняют в себе возможность к изменению, а, значит, и приспособлению к быстрой смене политической обстановки. Согласно Бестужеву-Рюмину, следует «останавливать внимание только на том, что развивается, и притом с указанием причин и условий развития».

Ближайший материал, из которого историк культуры может черпать необходимы сведения, принадлежит области этнографии и фольклора. Фольклор отличается живучестью, способностью к вариативному воспроизведению. Именно знакомство с материалами этнографии и фольклора позволяет ощутить присутствие прошлого в настоящем. О фольклоре в буквальном смысле можно сказать, что это живая старина. «Вот где бытовая история вступает во все свои права, – писал Бестужев-Рюмин об этнографических исследованиях, – вот ее непосредственная область! и здесь ее точка соприкосновения с историей политической». Народные предания, этнографические данные дают непосредственное знание народной жизни. Они не только отражают эту жизнь, но и сами являются ее

¹ Ключевский В.О. К.Н. Бестужев-Рюмин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 159.

² Иконников В.С. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Киев, 1898. С. 8.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 252.

частью. Более того, как полагает ученый, народное сознание в чем-то сродни сознанию историка. Оно также отбирает факты, достойные на его взгляд войти в народную память, определяет их значение и придает им повествовательную форму. «Признаемся вообще, – делился своими соображениями историк, – что мы более доверяем народному инстинкту, чем соображениям ученых, составленным по большей части под влиянием разных научных теорий, нередко выросших не на русской почве. Народ же всегда верно угадывает существенное значение факта и выражает его в мифической своеобразной форме»¹.

Внимание исследователя, сосредоточившегося на внутренней истории, должно быть обращено прежде всего к верованиям, учреждениям, быту, а не к лицам и внешним событиям. В этом отношении внутренняя история может сближаться, хотя полностью и не отождествляться, с историей цивилизации или историей культуры. Примером реализации историко-культурного подхода одно время Бестужеву-Рюмину представлялись исследования Н.И. Костомарова, его предшественника на кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета. По крайней мере, Н.И. Костомаров, на взгляд Бестужева-Рюмина, пытался связать политические события с современным им состоянием культуры. Разъясняя позицию Н.И. Костомарова и противопоставляя ее построениям государственной школы, Бестужев-Рюмин писал, что «история цивилизации, культуры... то есть, история той почвы, на которой вырастают учреждения»².

Источниками идеи культурной истории для Бестужева-Рюмина выступили, с одной стороны, произведения славянофилов, чья историософия перерастала в историю культуры, а с другой, работа Г.Т. Бокля «История цивилизации в Англии». Перевод книги Г.Т. Бокля Бестужев-Рюмин затеял после переезда в 1859 г. в Санкт-Петербург. «Переехали мы в октябре, – вспоминал он, – а летом, живя на даче, я прочел Бокля и по тогдашнему своему настроению пленился им; впоследствии я его перевел и очень в этом каюсь: Бокля без сильных и серьезных возражений нельзя было давать русской публике»³. Перевод был выполнен совместно с Н. Тибленом. Труд Г.Т. Бокля привлек Бестужева-Рюмина как стилем и способом подачи материала, так и методологической стороной исследовательской манеры английского ученого. В этом отношении книга Г.Т. Бокля надолго стала для Бестужева-Рюмина образцом исторического исследования. «Прозрачная, ничем невозмутимая ясность мысли... только признак необыкновенной глубины и ясности понимания», – характеризовал переводчик внешнюю сторону работы английского ученого. И здесь же Бестужев-Рюмин указывал на широкую научную ценность исследования Г.Т. Бокля, сближая его с работами Вольтера и О. Конта. «Главная цель Бокля – сделать историю наукою в полном смысле этого слова, отыскать общие законы развития человеческого рода»⁴. От поисков общих законов человеческого рода Бестужев-Рюмин со временем отка-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 25, 26, 12, 17.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 17.

³ Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина. С. 58.

⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Несколько слов о Г.Т. Бокле // Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Т. 1. СПб., 1863. С. V, IV.

зался, а вот стремление сделать историю наукой постарался перевести в плоскость методолого-исторических поисков. Г.Т. Бокль и здесь первоначально указывал русскому историку методологический путь. «Собрать как можно более фактов, – поучал Бестужев-Рюмин в одной из критических статей С.М. Соловьева, а вместе с ним и всех профессиональных историков, – осмыслить их один другим и только тогда выводить общие заключения – вот метод, который рекомендует Бокль»¹. В работах Бестужева-Рюмина, написанных после первой половины 1860-х г. упоминания о Г.Т. Бокле уже не встречаются.

Внутренняя история не может довольствоваться только собственными установленными фактами, она неизбежно заимствует и синтезирует данные, добываемые в других науках о прошлых состояниях общественной жизни: истории права, истории церкви, истории литературы, истории науки и проч. «Взаимодействие всех этих сторон, – поясняет Бестужев-Рюмин, – вот содержание истории цивилизации. Ее предмет – общество в его нравственном и материальном развитии»².

Подобная задача обязывает историка к всестороннему изучению прошлого, для чего необходимо привлекать результаты других наук. Одна история не в состоянии отразить всю многогранность жизни, все текучее переплетение минувших событий. Единственный выход из такой ситуации – опора на другие науки. Лишь подспорье, оказываемое истории другими дисциплинами, помогает ей приблизиться к выполнению стоящей перед ней задачи. «История в наше время, – признавался Бестужев-Рюмин, – становится все более и более мудреною наукою: чем сложнее делается жизнь, чем с большим количеством вопросов приступает она к прошедшему, тем настоятельнее необходимость ответа со стороны науки на все эти вопросы; следственно, тем труднее обнять в одной полной, философски верной и художественно законченной картине все пестрое разнообразие жизни, всю видимую путаницу перекрещивающихся отношений, всю случайность событий, весь хаос личностей»³. Однако Бестужев-Рюмин не пошел дальше призывов использовать в истории данные других наук, гуманитарных и естественных. Иное дело позитивистская историография, которая все больше ставила историю в зависимость от наук естественных, что, в свою очередь, грозило элиминировать из истории свободу воли и случайность. Протестуя против подобного перекоса, Бестужев-Рюмин, по существу, рассматривал данную проблему в рамках по-неокантиански интерпретируемой классификации наук. «Определение отношения истории к другим наукам, – писал он, – становится положительно необходимым в виду того, что есть покушения перевести ее из области наук духовных (этических) в область наук о природе (физических) и вместо начала свободной воли, которая долго считалась верховным началом

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 4.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 253.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 3.

истории, поставить начало необходимости, которым управляются явления внешней природы»¹.

В то же время Бестужев-Рюмин постоянно ратовал за сближение истории с жизнью, за понимание истории с точки зрения задач и проблем современного общества, т. е. за смысловую модернизацию прошлого. Он неоднократно повторял, что историку «мало одного знания летописей и грамот; ему нужно знание жизни практической. Поэтому самые великие историки те, которые много видели, во многом принимали участие. Таковы, не говоря о Фукидиде, Грот, Маколей, Нибур, наконец Гизо. Только практическая жизнь дает верный такт для понимания прошлого, которое неразрывно связано с настоящим»². Со временем Бестужев-Рюмин добавил в этот ряд В.Н. Татищева и Н.Я. Данилевского. Кто знает, не была ли деятельность самого Бестужева-Рюмина на Высших женских курсах и в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, так много отнимавшей у него сил и времени, его личным ответом на призыв сближения истории с жизнью? Жизнь позволяет наполнить историю реальным содержанием, опереть ее на прочно установленные, бесспорные факты, признаваемые если и не с очевидностью, то с максимальной долей вероятности. С одной стороны, это предполагает тщательный анализ источников и отбор фактов, а с другой, – более «широкий» взгляд на деятельность историка со стороны других наук, что дает возможность лучше оценить научное значение самой истории, утвердить и обосновать ее научный статус. Первое направление ведет к разработке источниковедения и историографии, второе, – к методологии и эпистемологии истории. «Осмысление самой истории как исторического процесса, – заключал Н.Л. Рубинштейн, рассматривая историческую концепцию Бестужева-Рюмина, – подменяется прежде всего вопросами техники исследования, задачами собирания и изучения источников и материалов»³. «Формально-объективистская», по словам Н.Л. Рубинштейна, направленность исследований Бестужева-Рюмина была несомненным шагом к созданию методологии истории.

Если верно, что знание настоящего необходимо для понимания прошедшего, то столь же верно и обратное утверждение: знание прошлого позволяет лучше разобраться в современной жизни. Если каузальная связь истории и современности однонаправлена: от прошлого к настоящему, то смысловая связь между ними обоюдна. «Настоящее, – утверждал Бестужев-Рюмин, – тесно связано с прошедшим, но ни одними общими понятиями, не одними результатами, а всею своею полнотою, всем своим существом, если можно так выразиться»⁴. Опасность недопонимания также взаимна. По словам историка, «ложное отношение к прошедшему ставит в ложное отношение и к настоящему»⁵. Поэтому же он постоянно настаивал: «...только ясно сознавая прошлое, люди могут глядеть вперед без боязни». Проективная функция прошлого, однако не гарантирует

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий. С. 292.

² Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 11.

³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 412.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Философия истории и московское государство. С. 8.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 250.

однозначное развитие событий в последствии. Прошлое лишь позволяет уяснить общую динамику событий и доминирующее направление их трансформаций. «Прошедшее есть только залог будущего, – уточнял историк, – а никак не полное определение его пути»¹.

Понимание прошлого для Бестужева-Рюмина – понимание народной жизни, а понимание народной жизни – понимание современности. Или, говоря его словами, «только исходя из полного понимания народной жизни, можно полнее понять учреждения известной эпохи и известного народа»². Однако «воспроизведение целостной народной жизни» невозможно, поскольку жизнь есть органическое явление. Ученый был не одинок своим органицизмом. Аналогия между историей, обществом и живым организмом широко использовалась такими его современниками, как Н.Я. Данилевский, П.Ф. Лилиенфельд, А.И. Стронин. Несколько позднее Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов уже с опорой на учение Г. Спенсера в своей философии истории также стали обосновывать органическую точку зрения. Бестужев-Рюмин лишь в общих чертах обозначал контуры органицизма в исторической науке и еще мог позволить себе сравнение жизни с механизмом. «Развитие жизни, – писал он во введении к своему лекционному курсу, – состоит именно в том, что одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину». Однако подвижность такой машины не безупречна. Невозможно строго просчитать последовательность ее шагов. И на деле мы сталкиваемся с неравномерностью развития разных сторон жизни. Этим объясняется и невозможность дать точную классификацию и рубрикацию исторических явлений. В различные исторические эпохи и у разных народов первенство отдается то религиозной, то юридической, то умственной сторонам жизни. Все это способно вызвать у историка лишь скепсис и, вероятно, косвенно объясняет отказ Бестужева-Рюмина от попытки сформулировать единую и универсальную теорию истории. Универсализм и однозначность – признаки философского подхода, но он в данном случае менее всего годен для истории. В то же время, единство в истории, безусловно, присутствует; оно проявляется прежде всего в цивилизации или культуре. Здесь Бестужев-Рюмин опирается на выдвинутый Н.Я. Данилевским цивилизационный принцип единства через многообразие. «Итак жизнь есть разнообразие, – разъяснял Бестужев-Рюмин свою позицию, – развитие есть разнообразие, но в этом разнообразии есть свое единство; единство это может быть не вполне осознаваемым наукою, не вполне сформулированным, пока еще живет и развивается народ, ибо его развитие и есть раскрытие этого единства при всем разнообразии; но тем не менее народ чувствует это и сознает, хотя и не отчетливо, свою целостность; гадательно чувствует это и наука; но не с этого должна она начинать; она должна начинать со строгого, беспристрастного изучения фактов и притом фактов, относящихся к разным сторонам жизни. Только от изучения этих сторон в их взаимодействии может наука возвышаться к представлению целостности и единства народной жизни; изучая взаимодействие разных сторон этой жизни, наука отметит черты, отличающие народы от других народов, составляющие его физиономию. Само собою разумеется, что это изу-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Чему учит русская история. С. 5–6.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 16.

чение должно держаться исторической последовательности развития народной жизни: иначе вместо истории мы получим философскую диссертацию о том или другом вопросе с примерами из истории – род сочинений наиболее вредный для самостоятельного развития науки и общества». Недовольство Бестужевым-Рюминым современной философией истории известно, и здесь он не говорит ничего нового.

Несколько интереснее уточнения, которые историк дает о возможности использования сведений других наук: филологических, юридических, естественных, «ибо трудно положить границы между этими науками и такою наукою, как история, задача которой – всестороннее изучение прошлой жизни человечества»¹. Естественные науки (геология, минералогия, химия и др.) помогают определить характер страны, а также влияние внешних условий на жизнь народа. Филологические науки способствуют выяснению происхождения народа и влияний на него других племен.

Старый взгляд на историю отождествляет ее с началом политической жизни, конкретно, с образованием государства. «Давно уже признано, – замечает Бестужев-Рюмин, – что сфера государственной деятельности есть только одна из сфер, на которые распадается жизнь огромного организма, называемого обществом; что другие сферы этой жизни имеют столь же законное право на существование, и что преимущественное влияние одной из них губительно для целого организма»². Многообразие жизни больше всего соответствует культурная история. Развивая свою точку зрения, историк добавлял в одном из примечаний к лекционному курсу, что «теперь же мы убеждены в том, что где жизнь, там и история; следственно если у нас есть какие-нибудь материалы для изучения быта в известный период, то период этот есть уже принадлежность истории»³.

В то же время само заимствование историй выводов и материалов других наук стало возможно благодаря тому, что в изучении гуманитарных и общественных дисциплин в течении XIX в. ясно обозначилось историческое измерение: появились история права, история литературы и т. п. История постепенно становится универсальной объясняющей основой для других наук. Как писал Бестужев-Рюмин, «самые возвышенные вопросы, и самые простые общественные отношения, так или иначе соприкасаются с историею, входят в нее, в ней находят оправдание, или осуждение; все учреждения общественные, и все наиболее отвлеченные вопросы умозрения имеют свое место в истории, должны опираться на нее»⁴. В частности, и «развитие философского мышления само входит в историю»⁵.

Свою собственную задачу Бестужев-Рюмин видел в выработке основ научной истории. Для этого необходимо, прежде всего, строгое и внимательное изучение источников, сличение их, выяснение обстоятельств и времени их созда-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 8, 9, 13.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. С. 5.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 13, прим.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 245.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 14.

ния – «химический анализ исторического источника», как несколько иронизируя по поводу методологического радикализма Бестужева-Рюмина выразился В.О. Ключевский¹. Из установленных таким образом фактов научная история выбирает наиболее «характеристичные», что и отличает ее от летописи². Прежде чем высказывать собственное суждение следует с максимальной полнотой рассмотреть чужие мнения по интересующему вопросу, поэтому критический метод изложения истории предпочтительнее догматического³. Догматическое изложение допустимо в истории лишь тогда, когда история в полном смысле станет наукой. В настоящее время, признавался Бестужев-Рюмин, «самое существование истории, как науки, как полного целого, является только желательным. Вот почему, по нашему мнению, всякое догматическое изложение истории неуместно в наше время: оно явилось или слишком рано или слишком поздно»⁴. Примером критического изложения может служить историография, ограничивающаяся рассмотрением различных точек зрения на предмет, но воздерживающаяся от собственных суждений о предмете. Крайняя степень такой академической осторожности часто удерживала Бестужева-Рюмина от выражения или конкретизации собственной позиции. К новому взгляду на историческую науку приводит и развитие современного общества, и обработка исторических памятников и состояние философской мысли⁵.

Уже во вступительной лекции в курс русской истории Бестужев-Рюмин постарался «высказать свой взгляд на историю, как на науку»⁶. В одной из поздних рецензий на книгу Э.А. Фримана «Методы исторических занятий» он выступал против отождествления понятий наука (science) и знание (knowledge). Указывая на признаки науки, историк писал, что «мы привыкли разделять эти понятия, разумея под словом наука систематическое и методическое знание. В этом случае мы являемся учениками немцев, разделяющих понятия Wissenschaft и Doktrine. Ясно, что между этими понятиями существует коренное различие: знания скопляются практическим путем, но получают характер науки лишь тогда, когда найдено основное начало, руководясь которым могут быть расположены методически накопившиеся знания. Науку в этом смысле следует отличать от научного метода, то есть, методологического исследования. Научный метод прилагается и к знаниям, не составляющим науки»⁷. В статьях, написанных в 1860-е гг. Бестужев-Рюмин еще не придавался столь детальному различению, разумея, вероятно, под наукой всякое методически разработанное знание. Так, в названии своей знаменитой статьи «Состояние русской истории как науки» под наукой он понимал русскую историографию как форму знания. Разви-

¹ Ключевский В.О. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 167.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 11; Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 13.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 252; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. I–II.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 6.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 3.

⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 243.

⁷ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий. С. 306–307.

вая свой подход, он продолжал во вступительной лекции: «Для нас мало знать, что было; мы хотим знать, почему именно было; да еще мало того: при всяком рассказе, у нас возникает вопрос: так ли оно было, как мы слышали, могло ли оно так быть? Когда появился этот дух пытливости, тогда собственно началась наука»¹.

Первый показатель становления истории в качестве знания – это выработка теоретических оснований историографии. Теоретическая часть истории зиждется на двух положениях: определении фактов и уяснении различных точек зрения на эти факты. Задача теории истории состоит в разработке способов осмысления фактов. Согласно Бестужеву-Рюмину, «факт непременно должен быть осмыслен, то есть поставлен в ряд других однородных фактов»². В противном случае «факт или документ, вырванный из своей действительной обстановки, при всей верности может нередко вести к совершенно ложным заключениям»³. Исторический факт не существует изолированно. Бестужев-Рюмин в равной мере говорит и о факте и о событии. Термин «событие», пожалуй, в большей степени соответствует этой идее связанности, сцепленной последовательности моментов исторического бытия. По словам ученого, «событие есть результат известных обстоятельств, частью необходимых, а частью случайных и в то же время есть условие создания новых обстоятельств»⁴. Можно было бы добавить вслед Бестужеву-Рюмину, что «событие» имеет проективно-смысловую структуру. Иными словами, событие нацелено в будущее, но смыслополагание истории имеет обратное направление, т. е. от будущего, точнее, настоящего в прошлое. «Событие» и есть смысловым образом артикулированное из настоящего прошлое. Бестужев-Рюмин, правда, предпочитает говорить не о смысле в истории, а о разумности, понимая под последней каузальную необходимость. Он, в частности, писал, что «разумность общего хода истории для него (современного историка. – А.М.) заключается не в стремлении к заранее предназначенным целям, а в самом развитии, в том, что известные обстоятельства ведут неизбежно к известным результатам, сходным, впрочем, только в общих чертах и неизмеримо расходящимся в подробностях»⁵. Смысловые отношения в истории при такой переинтерпретации, конечно, сохраняются, поскольку причинно-следственная цепь обозревается из настоящего. Осмыслением фактов занимается историография. Отсюда важность знакомства с различными историографическими концепциями. «Дело же науки, – писал историк, – понять факт, осмыслить его, найти связь и значение в различных мнениях; для науки самое это разноречие важно потому, что оно освещает разные стороны предмета и таким образом способствует составлению истинного взгляда на предмет»⁶. Историография не может не быть теоретичной. Теория, собственно говоря, задает модель осмысления исто-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 243.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения К. Кавелина. С. 81.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Задачи популяризации знаний. С. 47.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 38.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения К. Кавелина. С. 78.

⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. С. 8.

рических фактов. Но способов наделения смыслом может быть много. Смысл привязывает исторический факт к настоящему. Благодаря изменчивому смысловому фону эпох меняются и теоретические модели исторического знания. «Наука, как и сама жизнь, – проводит Бестужев-Рюмин сравнение, – развивается зигзагами: сегодня кинется в одну сторону, завтра в другую; но все эти отклонения чрезвычайно полезны: они-то и способствуют увеличению научного материала».

Свой особый узор выписывают диалектические перепады историографии. В колебаниях исторической науки Бестужев-Рюмин выделяет два крайних положения: теоретизация и эмпирическое исследование. Иными словами, в одни эпохи ученые больше сосредотачиваются на построении обобщающих выводов, в другие – на скрупулезном копании в фактических данных. Свою мысль ученый выражает следующим образом: «...но бывают времена, когда является потребность результатов, когда нужно осветить итоги всего, что сделано: в такие эпохи преобладают теоретическое построение, философский вывод; но вот начало уяснено, сделано из него всевозможное приложение. Тогда открывается, что начало, которым доселе все объясняли, изношено, что найдены новые факты, требующие себе объяснения; а выставленное начало этого объяснения не дает. Чем более накапливается таких фактов, тем более чувствуется надобность в их экзегетической разработке. Тогда теоретическое направление уходит на второй план; общая мысль до сих пор ясная тускнеет и снова начинается кропотливая, подготовительная работа»¹. Совсем по-гегелевски выглядит предлагаемая Бестужевым-Рюминым схема развития исторической науки. Она видится ему следующим образом: «...развитие, как известно, совершается, главным образом, посредством ясных и определенных воззрений, которые, доведенные до конца, вызывают отпор и ведут к другой ступени, то же в свою очередь грозящей впасть в крайность, но уже ограничивающей крайность предшествующую»². Диалектический сценарий развития исторической мысли, обозначенный ученым, как нарочно сочетается у него с критикой теоретических установок в гегельянском духе государственной школы. Оценивая в 1860 г. современное состояние историографии, Бестужев-Рюмин признавался, что перед русской историей стоит задача накопления фактического материала, а историки-философы своим теоретизированием идут наперекор научной тенденции времени. Сам Бестужев-Рюмин не меньше своих оппонентов тяготел к набрасыванию в истории широкомасштабных смысловых перспектив, но сознательно сдерживал свои научные порывы. Упомянув о гонениях на теорию со стороны М.П. Погодина, он писал: «Но так как от теоретического начала нельзя отказаться, оно является само собою, и непрошеное освещает всякую работу над источниками»³. Свою же эпоху он считает подобной погодинской, т. е. не теоретической.

Оправдывая многообразие точек зрения в исторической науке, Бестужев-Рюмин указывал на два источника такого многообразия. С одной стороны, каждый человек, будь-то ученый-историк или исторический деятель, или даже про-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения К. Кавелина. С. 82, 80.

² Бестужев-Рюмин К.Н. XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 680.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения К. Кавелина. С. 80.

стой обыватель выдвигает свои, субъективные идеи. С другой стороны, каждая эпоха предлагает сложившуюся систему идей, определяющую ее смысловой облик. Индивидуальные идеи и, если можно так выразиться, коллективные идеи, т. е. разделяемые, признаваемые большинством живущих в данную эпоху людей, неизбежно соприкасаются, согласовываются, влияют друга на друга. В результате мы никогда не имеем дело с «чистыми» идеями, т. е. только индивидуальными или только идеями эпохи. Бестужев-Рюмин в этом случае говорит об «историческом калечении» идей. «Когда субъективная идея переходит в объективную действительность, – писал он, – ей постоянно приходится считаться с имеющимися на лицо идеями и положением вещей: уясняться, терять свою угловатость и под конец даже искажаться. Тогда на смену одной идее идет другая, на смену одной цивилизации другая, которая по своему объясняет действительность, по своему строит общество. Да, миром правят идеи: в них выражается сознание человеком и обществом окружающей их действительности. Идея в этом смысле может быть одна у каждого человека: это его угол зрения, и конечно, под этим углом зрения человек объясняет себе мир; следовательно, под ним же и историк пишет повествование о днях времен минувших». Итак, существуют идеи не только у историка, но и в самой истории. Продолжая свое рассуждение, Бестужев-Рюмин писал, что «...у всякого времени свои воззрения и свои заботы. Понять, какими идеями жило известное время, – первая обязанность историка; без того все века смешаются, и самый суд, который мы произносим на основании собственных воззрений на правое и неправое, не будет правилен без этих самых обстоятельств. Знать их, стало быть, нужно, не обращать на них внимания, стало быть, *не научно*». Наиболее интересны, таким образом, для историка коллективные идеи, идеи эпохи, т. е. то, что позднее А.С. Лаппо-Данилевский на неокантианском жаргоне назовет общепризнанной ценностью.

Зигзагообразный ход исторической науки подстать колеблющемуся пути самой истории. Односторонность теории как бы вторит резкой иногда однобокости жизни. «Вообще забывается то, – рассуждал Бестужев-Рюмин, – что историческое движение всегда односторонне, что для усиления этой одной стороны, которая выдвигается обстоятельствами, принижаются на время другие стороны, иногда даже очень важные. Дальнейший ход помогает живому народу выпрямиться. Процесс этот бывает очень болезненен, но он необходим уже потому, что *бывает*. Прямолинейности нет в человеческих делах, трудна она и в суждениях»¹. Подобный взгляд на историческую жизнь и историческую науку подталкивает исследователя к теоретическому плюрализму, согласно которому теории устаревают лишь в том смысле, в каком уходят в прошлое породившие их эпохи. При этом нельзя гарантировать, что плутающая тропа жизни, а вместе с ней и диалектическое шатание науки не выведут на прежнее мнение. Отсюда, приходит к выводу Бестужев-Рюмин, следует уважительно и терпимо относиться к теориям, пусть на данный момент и отжившим, поскольку «в каждой из этих последних можно осуждать их односторонность, но все-таки видеть в них необходимую потребность ума человеческого, неудовлетворяющегося недостатками действительности и желающего их восполнению. Вследствие этого,

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 98, 131.

теории сменяют одна другую не в логическом порядке, а по требованиям времени, и ни одно из главных направлений ума человеческого не может считаться окончательно сданным в архив, ибо при каждом излишестве господствующего направления неизбежно встает направление побежденное, требует удовлетворения и себе»¹.

Абсолютно истинных точек зрения, полагал Бестужев-Рюмин вслед за позитивистами, не существует, но те верные мысли, которые в них содержатся, могут послужить выработке новых теорий. Недостатки же теоретических воззрений лишь стимулируют дополнительные теоретические поиски. При таком подходе любая, даже на первый взгляд ложная концепция, навлекая на себя критику, косвенно способствует выработке более корректного обобщения. Одним словом, отрицательный результат – то же результат. Как писал историк, «целостные воззрения способствуют уяснению самого хода жизни и хотя носят в себе неизбежные недостатки всякой попытки охватить мыслью многообразие жизни, все таки могут способствовать освещению этой жизни и дать возможность возникнуть новым теориям, которые будут цельнее, ибо за стройностью теории скоро открываются слабые стороны: на них направляется критика, и явится новая теория, если и не заменяющая, то дополняющая первую»². Главным недостатком любой теории остается ее односторонность. Как бы ни была проста на первый взгляд жизнь, теория вынуждена ее еще больше упрощать, сводить к одному господствующему началу. «Обращая преимущественное внимание, – полагал Бестужев-Рюмин, – на ту сторону событий, которая послужила основанием будущему порядку дел, мы невольно вносим в самое событие чуждую ему разумность, невольно подкладываем историческим деятелям нашу собственную мысль... мы забываем, что известные события, известное общественное состояние имеет влияние на будущие события, на будущее общественное состояние всеми своими сторонами»³.

Главный признак научности – опора на факты и углубляющаяся специализация. Характеризуя в статье о В.Н. Татищеве научные тенденции своего времени Бестужев-Рюмин писал: «XIX век по преимуществу век разделения труда и специализации ученых знаний. На широкие обобщения, на многосторонность сведений, многие смотрят в наше время подозрительно, опасаясь поверхностности, верхоглядства, энциклопедизма и т. п. Значительная доля правды чувствуется в этом взгляде: широкие воззрения нередко оказываются пустозвонством, многосторонние сведения часто являлись схваченными кое-откуда верхками». В опасности Бестужева-Рюмина звучит не только предостережение против крайнего обособления наук, когда представители разных дисциплин перестают понимать друг друга. Век специализации приводит к дроблению науки, увлечению подробностями и частностями. Казалось бы принцип истории, абсолютизирующий ценность деталей и отдельных фактов, должен восторжествовать в такой атмосфере. Однако тем самым ставится под сомнение еще одна тенденция эпохи –

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении. С. 4.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* История русского самосознания. С. 119.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Философия истории и московское государство. С. 8.

необходимость в синтезе и взаимодополнительности. Научность истории покоится как раз не на фактологической самодостаточности исторического знания, а на ее обусловленности данными других наук. «Но и в наше время, – пишет историк, – не раз чувствовались и чувствуются неудобства исключительной специализации: в науке это неудобство сказывается в том, что разъяснения фактов одной области нередко надо искать совершенно в другой (так, например, история постоянно должна опираться на географию, а основа географии в науках естественных, уголовное право находит постоянную опору в психологии, а эта последняя нередко требует помощи физиологии и т. п.); следственно, строго ограничиваясь одной областью, а тем более уголком этой области, ученый многого не в состоянии понять и объяснить»¹. Принцип взаимодополнительности различных научных областей, подмеченный Бестужевым-Рюминым, таит в себе опасность утраты историей своей специфической историчности. Взаимодополнительность легко может перерасти в редукционизм. С одной стороны, это грозит под лозунгами единства природы, единства и единственности научной истины перерасти в монистическое объяснение всех социальных и нравственных явлений, в том числе и истории. Примером такого подхода могут служить «физикализация» в первом позитивизме или «антропологический принцип» Н.Г. Чернышевского. С другой стороны, это споспешествует утверждению в исторической науке идеи многофакторности исторического развития, что, в частности, позднее реализовалось в исторических и философско-социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Н. Милокова. Однако в практической области конкретной науки развитая специализация может иметь и положительный результат: совершенствование определенных сфер деятельности приносит больше пользы людям и в сумме – всему обществу. В исторической науке это вызывает разработку проблем историографии, источниковедения, теории, методологии и эпистемологии истории. Именно в этом направлении пошло развитие академической философии истории в России.

Следующий признак научности – привязка исследования к потребностям, нуждам и ценностям современности. В данном случае модернизация исторического знания всего лишь обратная сторона требуемого от знания практицизма. «Наука, – рассуждает Бестужев-Рюмин, – относится критически к накопившемуся материалу; здесь новое явление: материал этот касается прошедшей жизни человечества, а прошедшее тесно связано с настоящим; все важнейшие вопросы времени: религиозные, политические, общественные, которые волнуют человека в настоящем, непременно имеют свои корни в прошедшем; человек, по самой своей природе, не может безразлично относиться к этим вопросам; он непременно решает их для себя так или иначе, и вследствие того так или иначе смотрит на прошедшее»². В этом же смысле предъявляет Бестужев-Рюмин и свои идеальные требования к историку. «Первое требование от него, – пишет ученый, – состоит в том, чтобы он проникся духом того народа, историю которого он пишет, показал нам существенные элементы народного характера, и из памятников старины, проверенных современностью, восстановил бы живой образ наро-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. С. 6, 7.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 244.

да». Здесь научность еще переплетается с романтической установкой на «дух» и «живой образ» народа. Но уже далее Бестужев-Рюмин поясняет, что речь идет о практической значимости исторического знания и о возможности научного прогнозирования. «Изучение истории, – продолжает он, – не есть дело простого любопытства, это дело настоятельной потребности; только зная те условия, при которых развился народ, в которые он поставлен, можно судить о будущем этого народа, можно знать, как посреди его действовать. Такое познание приобретает не иначе, как долгим и внимательным изучением прошедшего в связи с настоящим». Возрождая протонаучный спор минувшего столетия между И.Н. Болтиным и М.М. Щербатовым, Бестужев-Рюмин встает на сторону И.Н. Болтина. Для него знание народа и его современного состояния необходимо для лучшего понимания истории. «Близкое и подробное знание настоящего для истории, такой же важный материал, как и изучение летописей и грамот... Там, где жизнь развилась широко, там же являются и величайшие историки... Чем ближе историк к действительной жизни, чем знакомее ему ее треволнения, тем менее он способен жить в одних отвлеченностях, видеть в истории только одну игру мировых законов, тем яснее сознает он значение личности».

Ощущение современности, потока жизни, смысловых колебаний настоящего побуждают ученого и в прошедшем искать не отвлеченных схем, а смысловым образом свершившихся событий. В этом отношении не менее важны «устаревшие» оттенки смысла или, по словам Бестужева-Рюмина, «побежденные» исторические явления. Когда-то и они составляли неотъемлемую часть «жизни народной», а их отдаленные отголоски, возможно, слышны и поныне. «Обязанность историка, – пишет Бестужев-Рюмин об отживших исторических явлениях, – указывать эти элементы, преследовать судьбу их до тех пор, пока не исчезают их последние следы»¹. Почти два десятилетия спустя исследователь следующим образом пояснял свою мысль: «...ни одной сознательной теории не дано умереть вполне: она составляет яркую черту в развитии мысли народной, входит значительно далеко в плоть и кровь последующих поколений»². Таково требование научной беспристрастности и полноты.

Еще одно требование, предъявляемое Бестужевым-Рюминым историку, носит этический характер. Это требование добросовестности и искренности поисков. Даже заблуждаясь, историк должен стремиться к истине. Стремление к истине как императив сознания, нудительный ракурс исторического мышления разъясняется Бестужевым-Рюминым через аналогию с юридическим процессом. «Как перед лицом присяжных, – пишет он, – свидетель должен говорить правду, полную правду и только правду: только тогда книга или статья будут иметь благотворное действие. Писатель, как человек, может заблуждаться, но заблуждение его должно быть добросовестно»³. Добросовестность мышления, бескорыстное стремление к истине ради не самой становится у Бестужева-Рюмина обязательным условием всякой сознательной деятельности. Замечу, что схоже тре-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки. С. 3, 4, 6, 5.

² Бестужев-Рюмин К.Н. XXV-летие «Истории России» С.М. Соловьева. С. 680.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Задачи популяризации знаний. С. 45.

бование выдвигал В.С. Соловьев в своей незавершенной работе «Теоретическая философия».

Коллеги по историческому цеху довольно скептически отнеслись к тем идеальным требованиям, которые Бестужев-Рюмин предъявлял к работе историка. «Требования очень суровы и трудновыполнимы – это те сложные, возвышенные, словом, идеальные требования, какие со слов великих мастеров историографии или глядя на их мастерские произведения, любят предъявлять молодые читатели и начинающие ученые, но над которыми добродушно покачивают головой искушенные опытом и трудом обыкновенные историки», – писал не менее искушенный В.О. Ключевский. «Его критические уроки, сказанные учителям, – продолжал В.О. Ключевский о требованиях Бестужева-Рюмина, – несомненно гораздо более научили самого критика, чем их»¹. Еще более резко высказывался А.Е. Пресняков, посчитавший, что эти уроки не научили даже самого Бестужева-Рюмина. «В таких рассуждениях – сильно поблекших отголосках немецкой идеалистической философии, – писал он, – дань, уплоченная К.Н. Бестужевым-Рюминым вскормившей его университетской традиции. К действительному направлению его ученой и преподавательской работы рассуждения эти не имели никакого прямого отношения»². Суждение А.Е. Преснякова, надо признать, не менее радикально, чем высказанные в свое время требования Бестужева-Рюмина. Как бы там ни было, но исследованиям Бестужева-Рюмина трудно отказать в стремлении к объективности описания, беспристрастности оценок и полноте охвата источниковедческого и комментаторского материала.

Развитию этих требований служит и историческая критика. «Историк, – поясняет Бестужев-Рюмин, – должен понять изображаемое время, мерить его же меркою; но вместе с тем и отнестись к нему беспристрастно и критически: без критики историк не мыслим»³. Посредством критики история приближается к идеалу научности. Бестужев-Рюмин говорит о двух сторонах исследовательской деятельности историка: установление фактов и анализ источников. «Одно дело – подбор фактов под влиянием руководящей идеи, суждение о них на основании того или другого взгляда, приносящие цельность и стройность повествованию; другое дело критический разбор источников на основании их внешней и внутренней достоверности; словом, научная критика служащая основой *научной истории*»⁴.

Итак, историческая критика имеет дело не с фактом, а с источником; она определяет его достоверность⁵, но в конце концов, следуя общему индуктивному сценарию исторического исследования, подтверждает или опровергает (хотя бы и косвенно) факт. Критическую задачу Бестужев-Рюмин ставил в своей диссертации «О составе русских летописей до конца XV века», исследовании узко специальном. В работе, по его собственному признанию, он исходил из наблю-

¹ Ключевский В.О. К.Н. Бестужев-Рюмин. С. 166, 167.

² Пресняков А.Е. К.Н. Бестужев-Рюмин (К 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. Исторический журнал. 1922. Кн. 3. С. 170.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в курс русской истории. С. 248.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 105.

⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 10.

дения П.М. Строева, «что наши летописи в сущности не что иное, как сборники». Приемы исторической критики служили тем средством, при помощи которого ученый рассчитывал усмотреть этот составной характер летописей. С одной стороны, на него указывает «сшивка» текста, т. е. места, выделяющиеся благодаря встречающимся в них противоречиям, необычным выражениям, иным слогом. «Но и при отсутствии этих внешних признаков, – писал Бестужев-Рюмин, – остаются еще признаки внутренние: куда клонится сочувствие летописца, на кого и на что он смотрит благосклонно или враждебно, где именно могло быть известно то, что встречаем в летописи и в каком виде»¹. В изложении Бестужева-Рюмина, установление «внутренних признаков» принимает вид психологической интерпретации источника, т. е. взгляда на источник как на продукт человеческой психики – подход, отразившийся в последствии в спорах о «чужой одушевленности». Достоверность источника распадается на внешнюю и внутреннюю. Историк уточняет: «под внешнею достоверностию я разумею вопрос о том, точно ли данный источник именно то, за что его считают». Иными словами, оригинал это или копия, подлинник или перевод, к какому веку он относится. Установление внутренней достоверности следует за внешней. Здесь же выясняется, кто написал или издал памятник, при каких обстоятельствах и т. п. Венчает критическую обработку источника критика содержания, т. е. проверка сообщаемого источником факта другими установленными фактами, с которыми он мог быть связан и определение степени его достоверности².

К разряду источников относятся и сами исторические сочинения. В этом отношении историография и опирается на историческую критику и сама может быть объектом ее пристального анализа. В то же время историография дает смысловой срез исторической эпохи, к которой она принадлежит, вбирает в себя исторические идеи, представления, предпочтения, одним словом, дает пример народного самосознания. Не случайно, поэтому, историографические штудии занимали в творчестве Бестужева-Рюмина такое важное место. «Историография, – констатирует Е.Ф. Шмурло, – давала базу для критики, будучи в то же время сама результатом критической работы и анализа; она же, историография, в силу основного взгляда Бестужева на историю, как народное самосознание, вскрывала процесс развития общественной мысли, являясь показательницей тех умственных интересов, какими жило в данную эпоху русское общество»³.

Проблемы историографии по существу относятся к частным разработкам Бестужева-Рюмина. Другой частный вопрос, занимавший его, но одновременно входивший и в компетенцию философии истории, – вопрос о роли личности в истории. Бестужев-Рюмин не рассматривал его столь подробно, как позднее это сделал, например, Н.И. Кареев, но достаточно определенно выразил свою позицию. Личность неустранима из истории; она – предел исторического описания, минимум исторического масштабирования. «Как в человечестве, – рассуждал ученый, – движение совершается через посредство отдельных лиц; таким обра-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XV века. С. I, С. III.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 11, 12.

³ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 155.

зом в последнем результате историк имеет по-видимому дело только с лицами». Однако Бестужев-Рюмин сомневается в плодотворности превращения истории «в ряд биографий», поскольку это вернуло бы историю «к эпохе создания мифов»¹. Более того, «излишняя вера в значение лица» может привести либо к чрезмерному возвеличиванию исторических деятелей, либо, напротив, к их уничтожению. Но не все в истории определяется действиями исторической личности. «Конечно, – отмечал историк во вступительной лекции, – законы суть не что иное, как формулы отношений между известными силами, конечно, личность есть одна из этих сил; но одна, а не единственная»². Высказанная Бестужевым-Рюминым мысль почти дословно повторяла его заключение, сделанное несколькими годами ранее в статье о С.М. Соловьеве. Критикуя либеральные установки государственной школы, Бестужев-Рюмин предлагал считать личность лишь одной из причин исторического развития. «Значение личности в общем ходе событий гораздо сильнее, – писал он, – чем мы обыкновенно представляем его до сих пор, как стали гоняться за общим смыслом истории. Дело в том, что законы развития человечества суть не иное что, как формулы отношений между различными элементами этого развития, а личность из важнейших элементов. Вследствие этого, ход развития вовсе не прямолинейный, напротив, он идет прихотливыми извилинами... Если б законы развития были нечто постоянное, непреложное, заранее определенное, тогда бы узнать их было гораздо легче и легче было бы проследить их влияние на жизнь»³.

Многообразие жизни не позволяет и историю ограничить только одним действующим в ней началом. История – совокупность и скрещение нескольких моментов, равнодействующая многих сил. «Присматриваясь внимательнее к каждой личности, нельзя не видеть, как много ее деятельность обусловлена состоянием общества, посреди которого она действует, и соединением разных обстоятельств, при которых она действует. Значение личности состоит в том, чтобы уметь воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели». Личность не столько определяет историю, сколько сама определяется в своих поступках сложившимся историческим контекстом, конфигурацией обстоятельств.

Тяготея к построению истории культуры или цивилизации, Бестужев-Рюмин именно в крупных исторических явлениях и образованиях укореняет те смыслы, цели, представления, которыми руководствуется личность в своих действиях. Смысл, конечно, выражается, проявляется в личности, но только в ней не замыкается. Смысл имеет отношение к «другому», ориентирован на «другого». С этой точки зрения смысл личности не принадлежит (смысл субъективен, но только со стороны выражения; он не собственность личности); это функция целого – культуры, эпохи, общества. Личность живет «в» смыслах и смыслами, но лишь в той мере в какой осознает их, их разделяет и им следует. Развивая свою мысль, Бестужев-Рюмин отмечал, «что сами цели коренятся в обществен-

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. С. 6.

² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории. С. 248.

³ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 4.

ном сознании более или менее глубоко, что лицу принадлежит более или менее удачное формулирование их и – только. Словом, лицо может понять, угадать; но ничего не может создать. Вполне ясное сознание этой мысли совершенно изменяет воззрение на историю: на первый план выступает сложное явление, называемое обществом. Его то изучение и должно составлять серьезный предмет науки, называемой историею, причем деятельность лиц не может тоже быть упущена из виду; ибо преимущественно в этой деятельности мы видим проявление общественной жизни, говорим преимущественно потому, что рядом с фактом, отмеченным личным мнением, стоит факт безыменный, выражающий собою деятельность целого ряда людей»¹. Здесь Бестужев-Рюмин непосредственно подходит к типологическому пониманию исторических личностей, пониманию, которое позднее реализовалось в исследованиях Л.П. Карсавина по средневековой религиозности и культуре. Бестужев-Рюмин дает и примеры таких «типов известного рода деятельности». К ним принадлежит, в частности, русская колонизация, которая может быть персонифицирована в лицах Ермака, Хабарова и других землепроходцев или даже авантюристов. Но для историка они важны именно как типичные представители целого исторического движения, совокупно совершавшегося множеством других безымянных лиц. Другим примером могут служить типы личностей, относящихся к первоначальным периодам жизни народов и представленных мифологическими именами Тесея, Ромула, Геракла, Семирамиды Осириса и др. При этом Бестужев-Рюмин прямо заявляет, что идея исторического призвания личности, так же как и providенциальной миссии народов – бессмысленна. Подобная трактовка исторических личностей не осталась незамеченной современниками. Так, М.О. Коялович отмечал, что чрезмерное стремление к объективности приводит Бестужева-Рюмина к принижению субъективного начала в истории, сказывающегося, в частности, в недооценке деятельности личностей в русской истории².

И все же приоритетную задачу исторического исследования Бестужев-Рюмин видел в анализе общества и общих явлений в истории. Личность, безусловно, важна в истории, но не менее востребована иная, если угодно, дедуктивная точка зрения. «Вопрос об отношении в истории общего к личному, – констатировал ученый, – один из самых капитальных вопросов исторической мысли: общее, являясь под разными названиями: предопределения, судьбы, необходимости, логического закона, не раз клалось во главу угла». Постепенно, по ходу истории значение личности девальвируется. Как писал историк, «чем далее мы уходим от первоначального состояния общества, тем сложнее оболочка явлений, тем хитрее общественный механизм и, стало быть, тем труднее проведение в нем личных целей». Не согласен историк и утверждением либералов, что в образованном обществе открывается больше простора для самостоятельности личности. В развитии современного общества ему видится скорее тоталитарные и авторитарные черты, чем либеральные. Полицейское государство не осталось утопией XVIII в., оно постепенно реализуется в настоящем. «Не надо забывать, – писал Бестужев-Рюмин о своем времени, – что здесь личность нахо-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. С. 6, 7.

² Коялович М.О. История русского самосознания. С. 510.

дится под контролем общества. Многие даже опасаются, за то, чтоб личность совершенно не изгладилась, напр., Миль»¹.

Изучение общества вполне вписывается в современные требования исторического исследования, которые обозначает Бестужев-Рюмин. Он подробно пишет об этом, рассуждая о прагматическом значении истории «в наше время». Чтобы не пересказывать мысль ученого приведу обширную цитату из статьи о С.М. Соловьеве, написанной в 1860 г., что, в частности, объясняет негативное отношение к философии истории высказанное в ней. Бестужев-Рюмин, тогда еще критик «Отечественных записок», а не университетский профессор, писал о современной ему исторической науке, что «мы ждем от нее полного разъяснения нашего прошлого, анализа тех элементов, из которых сложилось то или другое общество, разгадки причин преобладания того или другого из этих элементов. Мы очень хорошо знаем, что исторические явления не повторяются, следственно никак не рассчитываем на возможность поступить именно так, как поступлено было в данном случае 200, 300 лет назад; мы знаем также, что главная сущность дела не в явлении, а в тех условиях, при которых оно оказалось возможным или невозможным. Следственно, вместо повторения летописного рассказа на первый план выступает одно общее нравственное лицо – общество. Законы, по которым живет это нравственное лицо в общей своей сложности, в абстрактной формуле, вероятно, так же просты, как и физические законы естества; но в этом общем виде мы их не знаем; перед нашими глазами они являются в многообразии личностей и народностей, в многообразных видоизменениях, обуславливаемых местными физическими причинами. Вследствие всех этих причин общий ход истории мы знаем только гадательно, только стремимся узнать его. В приложении философии истории, которые делались до сих пор, в сущности преждевременны и более или менее произвольны: неполное знание ведет к обобщению случайного, к поставлению во главу угла временного, к прославлению того, что было гибельно и т. д.»².

В различных работах Бестужева-Рюмина, как правило критического характера (историографические обзоры, рецензии), разбросаны многочисленные замечания о методах исторического исследования. Основные из них сводятся к следующему: конечной целью работы историка является построение целостной, художественно представленной картины прошлого, в котором выделяются основные смысловые моменты – ключевые события, личности, процессы, репрезентирующие историческую индивидуальность эпохи. Это этап суда над прошлым, его оценки и художественной обработки. Однако завершающей стадии должна предшествовать скрупулезная исследовательская работа. Используя сравнение с деятельностью юриста, Бестужев-Рюмин писал, что «как суду предшествует следствие, так и приговору историка предшествует исследование»³. Исследование сводится прежде всего к установлению фактов и усвоению существующей историографии по изучаемой проблеме. Фактографическая сто-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Философия истории и московское государство. С. 3, 4.

² Бестужев-Рюмин К.Н. История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 3–4.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 98–99.

рона кажется менее надежной опорой исторического исследования, поскольку показания, на которые опирается ученый, часто являются неточными и практически всегда – односторонними. Выбор из нескольких свидетельств, который совершает историк, также может быть ошибочным. При этом исследователю не стоит ограничиваться изучением источников относящихся только к выбранной эпохе и теме. Как отмечал Бестужев-Рюмин, «для историка обязательно иметь общее понятие о главных источниках всех периодов и даже поверхностное знакомство с ними, то есть в пределах отмежеванной им себе специальности»¹.

Следующий этап работы – вычленение в историческом явлении вплетенных в него пережитков и влияний. Речь здесь не идет о поиске какого-либо автохтонного фактографического ядра или тому подобного, но, скорее, о многогранности и преемственности самого исторического процесса. По словам ученого, «в каком бы то ни было обществе новое, ложась на старое, принимает в себя много из старого и выдает тщательному исследованию свою составность: анализ всегда имеет возможность отделить старое от нового, чужое от своего». Определению многосоставности исторического явления служит, в частности, сравнительно-исторический метод. Он как бы раскрывает историческое явление во вне, ставит его в один ряд с другими явлениями и сопоставляет с ними. Размышляя об этом, Бестужев-Рюмин писал, что «кроме общего (субъективного) взгляд на жизнь и события, требуется изучение явлений жизненных в отдельности и в их взаимодействии; требуется, сверх того, сравнительное изучение, без которого никогда не узнается явление в своей истине, а всегда представляется более или менее односторонне». Сравнительно-исторический метод позволяет от знания исторического периода заключать об определенном общественном устройстве. В этом смысле сравнительно-исторический метод выделяет универсальные черты в каждом, казалось бы обособленном и индивидуальном, историческом процессе, а тем самым позволяет связать разнообразие исторических картин в общую всемирно-историческую панораму. Как отмечал Бестужев-Рюмин, «одно – сказать, что удельный период похож на республиканский период Рима, а другое – указать на то, что у народов одного корня при сходных условиях могут быть сходные учреждения. Последнее есть приложение сравнительного метода, который часто оказывает важные услуги науке и нередко спасает от приговоров уже через-чур *субъективных*. Всегда не мешает знать прежде, чем судить». Позитивистский привкус сравнительно-исторического метода, правда, несколько настораживал Бестужева-Рюмина в последний период его научной деятельности. Однако он не намеревался отказываться от научных преимуществ, предоставляемых этим методом. Теоретический противовес позитивизму он видел в славянофильстве, в частности, в учении А.С. Хомякова. «Нет, методов опасаться не следует, – писал по этому поводу историк, – а надо стараться, чтобы деятели получали серьезное образование, и главное, самостоятельное философское понимание. Хомяковское учение должно служить коррективом позитивизму, к которому может быть склонно сравнительное изучение».

Произведения Бестужева-Рюмина позволяют вычленить еще два методологических момента, на которые указывал историк. Прежде всего, это требование

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий. С. 310–311.

своеобразного вчувствования в исторические события для лучшего их понимания. «Умение войти в чужую жизнь и понять ее – составляет необходимое условие всякого правильного суждения», – отмечал Бестужев-Рюмин¹. И хотя ученый не говорит здесь о сопереживании, однако в его подходе можно усмотреть слабые отголоски философии жизни. Бестужев-Рюмин, к сожалению, не поясняет детально свою точку зрения. Можно предположить, что высказанная им методологическая рекомендация, скорее всего, относится к этапу художественной обработки исторического повествования.

Еще один новый в ту пору методологический прием Бестужев-Рюмин фиксирует у Г.Т. Бокля. Это статистический метод, в свою очередь заимствованный Г.Т. Боклем, как замечает русский историк, у Кэтле. Г.Т. Бокль успешно оперировал статистическими данными в своей «Истории цивилизации в Англии». Общее увлечение Бестужева-Рюмина книгой английского ученого распространилось и на применяемый им метод. «Таким образом, – прогнозировал он, – в будущем этому методу можно предсказать блестящее будущее. Приняв такой метод, Бокль должен был устранить все предвзятые взгляды, и, действительно, сущность его воззрения составляет тот плодотворный скептицизм, без которого невозможно поступательное движение в науке»². Широкого использования статистических данных в трудах Бестужева-Рюмина мы не найдем, но вот вторая половина высказанного методологического пожелания была сполна реализована в историографических изысканиях петербургского профессора. Плодотворный скептицизм стал своеобразным научным девизом Бестужева-Рюмина. К вопросу о допустимости в исторических исследованиях статистического метода в последствии неоднократно обращались историки. В частности, на эту тему специально рассуждали Н.И. Кареев и П.Н. Милоков, в конце концов признавшие ограниченность статистического метода в истории.

Основные философско-исторические представления Бестужева-Рюмина, прежде всего его понимание отношения истории к жизни, истории к другим наукам, неизбежно приводили его к идее многофакторности исторического развития. Правда, подробного анализа или разработки этой идеи в сочинениях Бестужева-Рюмина нет. Он ограничился лишь общими замечаниями и наблюдениями о многообразии исторической жизни и условий ее развития. «Конечно, – писал ученый по этому поводу, – элементов в истории много и каждому есть свое место, но это место должно быть строго определено»³. Главным двигателем исторического процесса Бестужев-Рюмин считал идеи. Отсюда и то значение, которое он придавал в истории умственной жизни. «Можно пойти еще далее, – писал он в рецензии на книгу М.О. Кояловича: – умственная жизнь народа есть только одна сторона его жизни и может быть правильно изучена только в связи с другими сторонами, частичное проявление его самосознания. Вот почему историки и вносят, насколько считают удобным и нужным, изображение умственной жизни в свои картины былого»⁴.

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 102, 123, 111, 139, 99.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Несколько слов о Г.Т. Бокле. С. V.

³ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий. С. 292.

⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания. С. 95.

Другой существенный исторический фактор – природно-климатическая среда. К нему, надо заметить, Бестужев-Рюмин относился настороженно, считая вопрос о влиянии природы на историю еще не достаточно разработанным. Конечно, географический детерминизм в истории известен давно; он успешно применялся еще в XVIII в., в том числе и русскими историками, например, В.Н. Татищевым и И.Н. Болтиным. О необходимости учитывать влияние природного окружения на историю высказывался Т.Н. Грановский; интерес к этому вопросу в русской историографии был спровоцирован работами К. Бэра конца 1840-х – начала 1850-х гг. Позитивистская историография охотно апеллировала к природе. Природными условиями многие исторические явления объяснял С.М. Соловьев. От проблемы воздействия природно-климатической среды на общество и его историю не остался в стороне и почитаемый Бестужевым-Рюминым Н.Я. Данилевский в своих остроумных рассуждениях о культурородной силе леса. И тем не менее Бестужев-Рюмин ждал новых доказательств, настойчиво культивируя свой плодотворный скептицизм. «Нет сомнений в том, – осторожничал он, – что физические условия, в которые поставлен народ, определяют до некоторой степени его историческую роль: от них зависит его образ жизни, характер... Теперь же вопрос еще очень нов, еще материалы недостаточно собраны для того, чтобы выводы были произвольны»¹. Подводя итог мнению Бестужева-Рюмина об определяющих исторический процесс факторах, приведу суждение Е.Ф. Шмурло. «*Не о делении материала на главный и второстепенный должен заботиться историк, – растолковывал он позицию своего учителя, – а о том, чтобы не упустить из виду и малейший фактор, участвовавший в создании данного явления.* Картина только тогда выйдет полною и привильною, если мы примем во внимание все элементы, из которых она возникла, отчетливо помня, что эти элементы действуют всегда во *взаимодействии* друг с другом»².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно подводить итог философско-историческим взглядам Бестужева-Рюмина, поскольку он не оформил их в отдельное произведение, а, по видимому, предпочитал высказывать устно. Тем не менее, многочисленные работы историка позволяют восстановить его философско-исторические представления достаточно полно. На этом пути, конечно, встречаются и трудности. Главная из них состоит в том, что свои взгляды на теоретические проблемы истории Бестужев-Рюмин излагал по различным частным поводам. Чаще всего это были рецензии и историографические обзоры, в которых не всегда четко удается отделить убеждения самого Бестужева-Рюмина от взглядов критикуемых авторов.

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* История России с древнейших времен. Сочинение С. Соловьева. С. 18.

² *Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С. 151.

Невостребованность идей Бестужева-Рюмина, да и подзабытость его имени в науке, побуждала несколько более подробно задержаться на некоторых аспектах его творчества, например, на его интерпретации славянофильского учения. Исходя из этого же обстоятельства, я постарался там, где это возможно дать высказаться самому Бестужеву-Рюмину, иногда даже без специального комментария. Отсюда многочисленность в очерке цитат из произведений историка.

Интерес Бестужева-Рюмина к вопросам теории, методологии и философии истории вызван не только особенностями его интеллектуального развития и личной склонностью, но и потребностью эпохи. В те годы, на которые падает его творческая деятельность приходятся первые опыты преподавания философии истории в российских университетах. В Петербурге это был М.М. Стасюлевич, в Москве – В.И. Герье. Философско-исторические и теоретико-методологические проблемы затрагивали в своих произведениях и, вероятно, лекциях Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев, чьи занятия, будучи студентом, посещал Бестужев-Рюмин. Явная философско-историческая ориентация присутствовала и у других университетских учителей Бестужева-Рюмина К.Д. Кавелина и П.Г. Редкина. Да и сам Бестужев-Рюмин позднее критиковал историков государственной школы (то же К.Д. Кавелина, а также С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина) именно за чрезмерное увлечение философскими схемами. Следующее поколение историков продолжило разработку философско-исторических вопросов прежде всего в виде теории и методологии истории. Помимо В.И. Герье, в Московском университете В.О. Ключевский вполне определенно сформулировал свои философско-исторические представления в виде концепции «исторической социологии». Занятия философией истории продолжали ученики В.И. Герье, Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов. Учеником В.И. Герье и П.Г. Виноградова был Р.Ю. Виппер – автор многочисленных работ по философским проблемам истории. Другими выучениками виноградовского методологического «семинария» были Д.М. Петрушевский, М.М. Хвостов и П.Н. Милюков, так же оставившие работы по философии истории. П.Н. Милюков помимо П.Г. Виноградова был учеником В.О. Ключевского. Не менее плодотворно разрабатывались философско-исторические вопросы и в Петербургском университете. Лекции Бестужева-Рюмина слушал А.С. Лаппо-Данилевский. Ряд положений его «Методологии истории» обнаруживает параллели с идеями Бестужева-Рюмина. После окончательно оставления Бестужевым-Рюминым преподавательской деятельности в Петербургский университет перебрался Н.И. Кареев. В начале 1920-х гг. уже на основе философии всеединства создавали свою философию истории Л.П. Карсавин и С.Л. Франк.

Нельзя сказать, что философско-историческая проблематика не привлекала внимание Бестужева-Рюмина в какой-либо период его деятельности. В интеллектуальной биографии ученого можно четко выделить три примерно равных по продолжительности творческих периода: журналистский (со времени окончания Московского университета в 1851 г. и до перехода в Санкт-Петербургский университет в 1865 г.); университетский (1865–1882); и период позднего творчества (1882–1897), когда историк писал в основном рецензии и некрологи. Наиболее плодотворным в научном плане был университетский период, хотя

многие основные философско-исторические положения Бестужев-Рюмин высказал еще во время своей журналистской деятельности. Однако и в ранней публицистике и в его работах связанных с преподаванием в университете заметен налет скептицизма в отношении традиционалистских подходов к решению философско-исторических проблем. В произведениях, написанных Бестужевым-Рюминым в последние годы жизни уже явно ощутимо доверие к философскому взгляду на историю и усиление религиозных чувств.

По сравнению с другими петербургскими учеными Бестужев-Рюмин заметно выделяется живостью увлечения философией истории. Это и не грузно-основательный и занудно-самодовольный Н.И. Кареев, и не застегнутый на все пуговицы, непроницаемый А.С. Лаппо-Данилевский, доходящий в своем академизме до эзотеризма. Насколько темпераментнее и эмоциональнее на их фоне выглядит Бестужев-Рюмин. У него не аналитика, а переживание, страстное вхождение в предмет, чтобы в этой страстности (без исступления, а всегда достаточно деликатно) дойти до «существа», которое Бестужевым-Рюминым именно пережито, а не исчислено. Он говорит об истории как о самопознании народа, но самопознание у него всегда выводится в связь с современностью, смысловой трепет которой и оживляет прошлое. Самопознание истории, таким образом, есть переживание того, что касается нас самих, эхом отдается в вибрациях настоящего. Чтобы уловить смысловые колебания минувшего и оживить их в настоящем необходимо быть художником, поэтому, собственно, историк-художник и должен, по мысли Бестужева-Рюмина, венчать работу собирателя фактов. Поэтому же, вероятно, Бестужев-Рюмин при всем своем уважении к С.М. Соловьеву не мог примириться со схематизмом и догматизмом его построений и тянулся к Н.М. Карамзину, а позднее стал пропагандистом концепции Н.Я. Данилевского, увидев в его теории если и не артистическую отделку фактов и живость исторических портретов, то, по крайней мере, непосредственное воздействие прошлого на настоящего, постоянное возрождение исторического смысла и взаимное отражение исходящих от прошлого и настоящего смысловых импульсов.